

П.В. Ильин*

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЗАГОВОР ДЕКАБРИСТОВ 1825 ГОДА:
НЕИЗУЧЕННЫЕ И НЕПРОЯСНЕННЫЕ ЭПИЗОДЫ
И ПЕРСОНАЛИИdoi:10.31518/2618-9100-2025-6-1
УДК 94(47).072*Выходные данные для цитирования:**Ильин П.В. Петербургский заговор декабристов 1825 года: неизученные и непроясненные эпизоды и персоналии // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 9–34. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-01.pdf>*

P.V. Ilyin*

THE ST. PETERSBURG CONSPIRACY
OF THE DECEMBRISTS IN 1825:
UNSTUDIED AND UNCLARIFIED EPISODES
AND PERSONALITIES

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-1

*How to cite:**Ilyin P.V. The St. Petersburg Conspiracy of the Decembrists in 1825: Unstudied and Unclarified Episodes and Personalities // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 9–34. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-01.pdf>]*

Abstract. Despite all the in-depth research available on the secret society of the Decembrists on the eve of the uprising on Senate Square, the activities of the Decembrist conspiracy at the culmination of the movement at the appear insufficiently illuminated in many respects. The historian is forced to view the events and episodes of 1825 primarily through the prism of the investigative materials, also drawing on official documentation and testimonies of contemporaries. The complex of investigative testimony contains numerous denials and omissions that distort the true picture of the development of the Decembrist conspiracy and the real participation of many individuals in it. In the face of official investigation and trial, the accused often concealed the true nature of the relationships between those implicated in the conspiracy with its “center”. The reasons for this situation are obvious: it was based on a natural desire to avoid impending punishment – the activities of the conspirators on December 14, 1825, had ended in failure, and as a result, affiliation with the conspiracy was prosecuted, constituting a “corpus delicti”. Therefore, the actual network of conspiratorial relationships is only fragmentarily reflected in the investigative materials. The later memoirs of the participants in the conspiracy also do not always provide complete information, including omissions and distortions. The reasons are rooted in ethical concerns: many individuals who escaped punishment went on to careers in the service, and participation in the December 14 conspiracy remained a discreditable factor for government officials for many years. As a result, the state of the source base is such that historians have incomplete information about those involved in the conspiracy. This article, for the first time in Decembrist studies, presents an attempt to consolidate the data, with the goal of covering as fully as possible those participants in the Decembrist conspiracy who were concealed from the investigation or who have remained obscure in historiography, to the extent that the documentary base allows. The focus of this study is on secret cells within the Guards units, both those identified during the investigation and those not previously identified, as well as the actions of the conspirators and the episodes of the events of December 14, 1825 caused by them (in the Finland and Izmailovsky regiments, the horse and foot artillery, the Horse Pioneer Division, and attempts to influence the Preobrazhensky regiment and the suburban Guards battalions). The author has collected information on little-studied and unknown conspirators – both reliably identified and suspected. The work is based on documentary evidence, but the author is critical of information that requires further verification. The results of this study contribute to the study of the activities of the Decembrist society before the December 14th uprising.

* Павел Владимирович Ильин, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pavilyn1970@gmail.com

Pavel Viktorovich Ilyin, Candidate of Historical Sciences, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: pavilyn1970@gmail.com

Keywords: Decembrist conspiracy of 1825, uprising on Senate Square, new data, unknown Decembrists.

The article has been received by the editor on 07.11.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. При всех имеющихся углубленных исследованиях, касающихся тайного общества декабристов в канун восстания на Сенатской площади, деятельность декабристской конспирации в кульминационный момент движения предстает во многих отношениях недостаточно освещенной. Историк вынужден смотреть на события и эпизоды 1825 г. преимущественно сквозь призму материалов следствия, прибегая также к помощи официальной документации и свидетельств современников. Комплекс следственных показаний содержит большое количество отрицаний и умолчаний, которые искажают имевшую место в действительности картину развития декабристского заговора и реального участия в нем многих лиц. Перед лицом официального следствия и суда обвиняемые нередко скрывали подлинный характер отношений, связывавших привлеченных к заговору лиц с его «центром». Причины этой ситуации очевидны: в ее основе лежало естественное стремление избежать грозящих наказаний – деятельность заговорщиков 14 декабря 1825 г. закончилась неудачей, в силу чего принадлежность к конспиративным связям преследовалась, образуя «состав преступления». Поэтому реально существовавшая сеть конспиративных отношений лишь фрагментарно отражается в следственном материале. Позднейшие мемуарные описания участников заговора также не всегда содержат сведения в полном объеме, включают в себя умолчания и искажения. Причины кроются в этической сфере: многие избежавшие наказания лица сделали служебную карьеру, а участие в заговоре 14 декабря сохраняло на многие годы дискредитирующее значение для государственных чиновников. В результате состояние источниковой базы таково, что историки располагают неполной информацией о причастных к заговору лицах, прежде всего второго и третьего ряда. В предлагаемой статье впервые в декабристоведческой литературе представлен опыт сведения воедино данных с целью охвата с наибольшей полнотой скрытых от следствия или непроясненных в историографии участников декабристского заговора, насколько это позволяет документальная база. Предметом внимания стали выявленные в ходе следствия, а также неустановленные при расследовании конспиративные ячейки в гвардейских частях, действия заговорщиков и вызванные ими эпизоды событий 14 декабря 1825 г. (в Финляндском, Измайловском полках, конной и пешей артиллерии, Конно-пионерном дивизионе, попытки воздействия на Преображенский полк и загородные гвардейские батальоны). Автор собрал сведения о малоизученных и неизвестных персоналиях заговорщиков – как достоверно установленных, так и предполагаемых. Работа построена на документальной основе, при этом автор критически относится к сведениям, которые требуют дополнительной проверки. Результаты исследования вносят вклад в изучение деятельности декабристского общества перед восстанием 14 декабря.

Ключевые слова: заговор декабристов, восстание на Сенатской площади, новые данные, неизвестные декабристы.

Статья поступила в редакцию 07.11.2025 г.

Всё ли мы знаем о декабристском обществе в канун кульминационного акта политического движения – выступления 14 декабря 1825 г.? Знаем ли мы в необходимой полноте фактическую сторону восстания на Сенатской площади? Можно ли утверждать, что следствие в исчерпывающем виде установило состав участников заговора, сформированного

декабристами в гвардейских полках, выявило подлинную степень причастности к движению каждого лица, вовлеченного в конспиративные связи в исходе 1825 г.? Все ли действия заговорщиков-декабристов рассмотрены в научных трудах, посвященных восстанию на Сенатской площади?

На первый взгляд события 14 декабря и предшествующая им деятельность декабристских обществ получили подробное и качественное освещение в историографии. В большом массиве литературы выделяются обстоятельная работа А.Е. Преснякова и приложенная к ней обобщающая «военно-историческая справка» Г.С. Габаева¹, вобравшая в себя данные из полковых историй, опубликованных и архивных источников (в частности, документов Военного министерства). Однако нужно подчеркнуть, что вне поля зрения этих авторов оказался практически весь комплекс материалов следственного процесса, за исключением «Алфавита...» А.Д. Боровкова, вошедшего в состав одного из первых изданий серии «Восстание декабристов», поскольку фонд следствия и суда, как и другие материалы по истории политического движения эпохи декабристов, после 1917 г. был перевезен из Петрограда в Москву². Показания участников заговора и событий 14 декабря не могли быть привлечены авторами, что сделало невозможным извлечение и анализ значительной части данных.

В монографическом труде М.В. Нечкиной³, целиком посвященном дню восстания 14 декабря, с присущим автору тщательным подходом к анализу документальных материалов обобщен большой комплекс данных, однако ведущий советский исследователь-декабристовед большую часть своей работы отвела не заговору 1825 г. (во всей полноте его организационной структуры и состава участников), а основной канве событий, начиная с разработки плана восстания и заканчивая его разгромом. Многие детали и обстоятельства остались за пределами работы: автор монографии уделяла главное внимание тем сюжетам, которые, по ее мнению, являлись первоочередными для изучения; картина развития заговора отразилась всего на нескольких страницах.⁴

Во многих отношениях новаторским стал труд Я.А. Гордина⁵, созданный на исходе советской эпохи, но содержащий в себе свежие концептуальные подходы и обновленную проработку сюжетов, связанных с заговором и восстанием декабристов в Петербурге. Этот труд впервые хронометрировал события 14 декабря, привнес важные концептуальные поправки, принципиально изменил взгляд на мотивы действующих лиц. В книге учтены факты и обстоятельства, связанные с декабристской конспирацией накануне восстания, мимо анализа которых проходили авторы предшествующих трудов (эпизоды с Я.И. Ростовцевым и А.В. Чевкиным, переговоры С.П. Трубецкого с С.П. Шиповым, позиция полковников Финляндского полка А.Ф. Моллера и А.Н. Тулубьева, поведение С.П. Трубецкого, А.М. Булатова и А.И. Якубовича в день 14 декабря и т.д.)⁶. Вместе с тем полная картина распространения декабристского заговора в этой работе не была представлена. В последние десятилетия вышли работы В.М. Боковой и А.Б. Шешина, внесших вклад в изучение как заговора в Петербурге, так и хода событий 14 декабря.⁷ К перечисленным исследованиям следует добавить важные для понимания фактографии декабристского заговора и содержащие новации в фактологическом анализе статьи Н.Ф. Лаврова, А.В. Семеновой, С.Н. Коржова,

¹ Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. (На с. 153–206 – «военно-историческая справка» Г.С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года»).

² Там же. С. 150, 173.

³ Нечкина М.В. Восстание 14 декабря 1825 года. М., 1951 (переизд.: М., 1975; М., 1985; под загл. «День 14 декабря 1825 года»).

⁴ Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. М., 1985. С. 4, 68–69.

⁵ Гордин Я.А. События и люди 14 декабря. М., 1985 (переизд.: Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 г. Л., 1989).

⁶ Эйдельман Н.Я. Новый взгляд на события 14 декабря 1825 г. // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 146–148.

⁷ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 518–538; Шешин А.Б. К анализу событий 14 декабря 1825 года: дополнения, исправления, новые версии // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 292–347.

А.Б. Шешина, М.С. Белоусова⁸. Наши работы рассматривают персоналии декабристов-заговорщиков, не нашедшие достаточного отражения в литературе и связанные с малоизученными эпизодами событий⁹.

Как видим, исчерпывающего или достаточно полного описания развития декабристского заговора в Петербурге в историографии практически не существует. Настоящая работа имеет своей задачей охватить в возможно большей степени внутреннюю структуру и распространение декабристского заговора 1825 г. Акцентируя внимание на персональном аспекте – составе участников декабристской конспирации, автор стремился, во-первых, затронуть вопрос, получивший явно недостаточное освещение в предшествующей историографии, а во-вторых – представить важнейшую составляющую декабристской конспирации, которая отражает степень развития военного заговора, его потенциальные и реальные возможности.

К декабрю 1825 г. в Петербурге существовали два тайных политических союза, участники которых преследовали цель ликвидации неограниченного самодержавия, а для ее достижения считали необходимым постепенно готовить условия для открытого военного выступления: Северное общество и петербургская организация Южного общества¹⁰. К обоим конспиративным союзам, в которых числились в основном офицеры Гвардейского корпуса, примыкали кружки, участники которых, будучи единомышленниками членов декабристских обществ, могли быть присоединены к основным организациям, образуя их «ближайший резерв». В случае Северного общества это были кружки офицеров Гвардейского экипажа и экипажей Балтийского флота, служивших в Петербурге и Кронштадте, а также негласные кружки офицеров в нескольких гвардейских частях. К петербургскому филиалу «южан» примыкали собрания офицеров, сходившихся на квартирах руководителей филиала¹¹. Оценивая состояние тайных обществ до начала междоусобицы 1825 г., следует отметить, что как Северное общество, так и петербургские «южане» постепенно набирали новых членов, усиливая свое влияние в гвардейских полках.

Кончина Александра I стала для участников конспиративных союзов, как и для всего русского общества, неожиданной: к немедленному выступлению они не были готовы. Внезапное начало междоусобицы и непредсказуемость развития событий повлияли на действия заговорщиков: ограниченные в возможности выбора средств воздействия на власть, не имея значительных рычагов влияния на нее, не располагая решительно настроенными союзниками в правительственной сфере, которые могли бы поддержать их планы, руководители тайного общества были вынуждены встать на путь ускоренной подготовки выступления гвардейских частей. Все решилось в крайне сжатый срок – около двух недель.

⁸ Лавров Н.Ф. Диктатор 14 декабря // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 129–222; Шешин А.Б. Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 107–127; Шешин А.Б. «Морская управа» Северного общества // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 115–128; Семенова А.В. Кавалергарды – члены тайного общества в день 14 декабря 1825 г. // История СССР. 1979. № 6. С. 192–199; Коржов С.Н. Северный филиал Южного общества декабристов // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 99–151; Белоусов М.С. Диктатор 14 декабря 1825 г. // Декабристы: Актуальные направления исследований. СПб., 2014. С. 155–172.

⁹ Ильин П.В. И.И. Богданович – одна из трагических фигур 14 декабря 1825 г. // Памяти Ю.Д. Марголиса: письма, воспоминания, статьи. СПб., 2000. С. 630–654; Ильин П.В. Новые имена в истории движения декабристов: купец-заговорщик А.П. Сапожников // Научный диалог. 2024. Т. 13. Вып. 6. С. 388–408; Ильин П.В. Декабристы, оправданные на следственном процессе: случай И.Ф. Львова // Клио. 2024. № 8 (212). С. 106–114; Ильин П.В. Декабристы, оправданные на следственном процессе: офицеры-конногвардейцы М.Ф. Голицын, А.К. Ливен, А.А. Плещеев // Клио. 2024. № 9 (213). С. 91–99.

¹⁰ Обе организации, связанные между собой через отдельных участников, действовали совместно (например, при приеме новых членов в Кавалергардском и Конном полках), но в то же время сохраняли организационную самостоятельность: петербургские «южане» не ставили под сомнение свою подчиненность «директории» Южного общества во главе с П.И. Пестелем.

¹¹ См., например, сведения из записок М.И. Пущина о кружке, собиравшемся на квартире Д.А. и А.А. Искрицких, в состав которого входили, помимо хозяев квартиры и самого мемуариста, К.В. Чевкин, В.Е. Галямин, отставной офицер гвардии И.А. Яковлев (Пущин М.И. Записки // Русский архив. 1908. № 11. С. 434); в этом кружке преобладали штабные офицеры. О собраниях на квартире лидера «южан» в Петербурге П.Н. Свистунова показал поручик Измайловского полка А.С. Гангеблов (Восстание декабристов. Документы (ВД). М., 1984. Т. XVIII. С. 25).

27 ноября лидеры Северного общества С.П. Трубецкой, Е.П. Оболенский и К.Ф. Рылеев пришли к выводу, что необходимо постепенно готовить средства к открытому выступлению гвардейских частей: «надобно приготовиться, сколько возможно», хотя бы для содействия членам Южного общества, «если они подымутся»¹². Причина такого решения заключалась в появлении признаков кризиса междоусобицы: одновременно с присягой распространились слухи о возможном отречении Константина. Поскольку в этом случае создавалась ситуация, благоприятная для предъявления требований к власти и организации государственного переворота, лидеры Северного общества приняли решение активизировать привлечение новых членов из числа офицеров гвардии. С 27 ноября берет начало оживленная конспиративная деятельность, направленная на подготовку мятежа силами гвардии. Декабристское общество усиленно перестраивается в военный заговор. 6 декабря руководящей группе заговорщиков стало достоверно известно, что цесаревич Константин откажется от трона. «Ядро» Северного общества приняло окончательное решение воспользоваться сложившейся ситуацией для вооруженного выступления и предъявления политических требований. Действия заговорщиков, в первую очередь привлечение к заговору новых участников в полках, заметно активизировались. 8 или 9 декабря начался наиболее интенсивный этап подготовки восстания¹³.

Несмотря на ослабление декабристской организации из-за отсутствия в столице многих офицеров, в том числе состоявших в высоких чинах¹⁴, отхода бывших членов от участия в политической деятельности¹⁵ и внутренних разногласий¹⁶, она смогла в короткий срок приобрести существенную силу, опираясь на быстро налаженную сеть конспиративных связей в большинстве гвардейских частей.

Мобилизация сил в гвардейских полках легла на плечи Е.П. Оболенского, который являлся непосредственным организатором военного выступления, державшим в своих руках большую часть связующих нитей с ячейками заговора или отдельными заговорщиками, чему благоприятствовало его служебное положение адъютанта начальника пехоты Гвардейского корпуса. Оболенский вел работу по расширению круга участников заговора, налаживал связи между офицерами разных частей. Ему содействовали К.Ф. Рылеев, А.А. и Н.А. Бестужевы, П.Г. Каховский, И.И. Пущин, а также представители «центра» заговорщиков в гвардейских частях.

По нашим наблюдениям, руководители заговора стремились к образованию конспиративных ячеек в гвардейских частях, состоявших из представителя «штаба» в полку (чаще всего состоявшего ранее в тайном обществе), двух или трех офицеров, помогавших ему, нескольких вновь привлеченных адептов и некоторого круга лиц, примкнувших к заговорщикам. Такого рода ячейки были созданы почти в каждом из полков, на участие которого в восстании рассчитывали заговорщики. Представитель «штаба» в полку, а тем более член «штаба», не связанный с полком, не могли организовать выступление гвардейской части без содействия служивших в ней офицеров. Чем больше участников насчитывала полковая ячейка, тем больше было шансов на успех. Эти шансы существенно возрастали в том случае, если в тайном обществе состояли или примыкали к заговору офицеры в высоких чинах¹⁷.

¹² ВД. М.; Л., 1925. Т. I. С. 184.

¹³ ВД. М.; Л., 1925. Т. I. С. 451 (показания А.А. Бестужева); см. об этом: Гордин Я.А. Мятеж реформаторов... С. 94, 128.

¹⁴ В 1824–1825 гг. из числа членов Северного общества из гвардии в армию перешли М.М. Нарышкин, Н.И. Лорер, А.В. Поджио, находились в отпуске или командировке на момент событий 1825 г. Н.М. Муравьев, М.Ф. Митьков, В.Д. Вольховский, М.А. Назимов; из числа петербургских «южан» отсутствовали А.З. Муравьев, А.Л. Кологривов, Н.А. Васильчиков, С.И. Кривцов, Алексей А. Плещеев, И.Ю. Поливанов, З.Г. Чернышев.

¹⁵ В Петербурге служили на момент событий 1825 г. бывшие участники тайных обществ Ф.Н. Глинка, Н.И. Кутузов, С.П. и И.П. Шиповы, А.А. Кавелин и В.А. Перовский (адъютанты великого князя Николая), И.Г. Бибииков и И.А. Долгоруков (адъютанты великого князя Михаила).

¹⁶ Речь идет о позиции лидера филиала Южного общества в Петербурге П.Н. Свистунова, возражавшего против подготовки выступления гвардии 14 декабря, а также придерживавшегося сходной позиции капитан-лейтенанта К.П. Торсона.

¹⁷ Речь идет о штаб-офицерах, чины которых в гвардии начинались со штабс-капитана в пехоте, штабс-ротмистра в кавалерии и капитан-лейтенанта во флоте и заканчивались чинами полковника (в пехоте и кавалерии) и капитана 1-го ранга (во флоте).

Особую роль играли батальонные и ротные командиры, способные вести за собой возглавляемые ими подразделения.

Могли ли члены Северного общества и примкнувшие к ним участники других тайных обществ и кружков сформировать военный заговор, способный успешно организовать выступление гвардейских частей? Насколько значительными были привлеченные декабристами накануне 14 декабря силы? Сколько гвардейских полков надеялись увлечь лидеры заговорщиков?

Наибольшие надежды декабристский союз возлагал на флотскую часть гвардии – Гвардейский экипаж. Еще весной 1823 г.¹⁸ возник политический кружок офицеров экипажа, первоначально независимый от Северного общества (лейтенант А.П. Арбузов, мичманы А.П. и П.П. Беляевы, М.А. Бодиско, В.А. Дивов и др.). Среди гвардейских моряков было немало свободомыслящих людей, и этот кружок стал ядром, вокруг которого группировались сочувствующие; инициаторы кружка были связаны с офицерами балтийских экипажей, тяготевшими к гвардейским морякам¹⁹. Вскоре установились контакты кружка с Северным обществом, искавшим возможности для расширения влияния основанной им в 1824 г. «морской управы». Капитан-лейтенант Н.А. Бестужев, лейтенант Д.И. Завалишин, отставной офицер Н.Н. Оржицкий были связующими звеньями между Гвардейским экипажем и Северным обществом, с начала декабря 1825 г. эту роль стал играть лейтенант А.П. Арбузов – глава тайного кружка в Гвардейском экипаже. В сферу влияния заговорщиков вошло не менее 18 офицеров экипажа: ротные командиры и командующие ротами лейтенанты А.П. Арбузов, А.А. Баранцев, Б.А. Бодиско, Ф.Г. Вишневецкий, М.К. Кюхельбекер, Е.С. Мусин-Пушкин, Н.П. Окулов, а также лейтенанты П.Ф. Миллер, В.А. Шпейер, мичманы А.П. и П.П. Беляевы, М.А. Бодиско, В.А. Дивов, В.М. Тыртов, намерения которых, по-видимому, разделяли другие офицеры – лейтенанты Н.А. Колончаков, Д.Н. Лермантов, А.П. Литке, А.Р. Цебриков²⁰. Существует мемуарное свидетельство, удостоверяющее участие в восстании 14 декабря лейтенанта П.Д. Балкашина²¹. Есть основания полагать, что у руководителей заговора были контакты со старшими офицерами экипажа, основанные на давних товарищеских связях офицеров-моряков: материалы следствия содержат данные о том, что капитан-лейтенант Т.К. Лялин в канун и в начале событий 14 декабря выражал сомнения в правомерности присяги Николаю Павловичу и, возможно, был готов присоединиться к выступлению; именно к Лялину направился Н.А. Бестужев после прибытия в казармы экипажа в день восстания (содержание переговоров неизвестно). Капитан-лейтенанту Н.Г. Казину, которого Бестужев давно и хорошо знал, было предложено возглавить мятежный экипаж (тот отказался)²². Гвардейский экипаж был наиболее подготовленной к выступлению частью; большая группа офицеров поддерживала идею ограничения самодержавной власти, у некоторых из них были налажены доверительные отношения с нижними чинами, которые были ознакомлены с политическими целями заговора²³. Экипаж практически в полном составе мог выступить основным ударным отрядом заговорщиков – в нем почти все ротные командиры состояли в конспирации или были о ней осведомлены, а многочисленная группа активных младших офицеров могла их поддержать.

Уверенно рассчитывали лидеры тайного общества и на Гренадерский полк. В нем еще весной 1825 г. благодаря усилиям П.Г. Каховского в Северное общество вступили ротный командир поручик А.Н. Сутгоф, а осенью – поручик Н.А. Панов, служивший долгое время

¹⁸ Афанасьев С.И. О времени образования декабристского общества в Гвардейском морском экипаже (уточнение датировки события) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2005. Вып. 7. С. 211–214.

¹⁹ См. об этом: Шешин А.Б. Декабристское общество... С. 107–127; Шешин А.Б. «Морская управа»... С. 115–128.

²⁰ Участие в выступлении 14 декабря лейтенантов А.А. Баранцева и А.П. Литке хотя и отразилось в документах следствия, но не стало предметом расследования; эти офицеры не были включены в «Алфавит...» Боровкова.

²¹ См. записки П.А. Каратыгина: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 433.

²² ВД. М., 1976. Т. XIV. С. 295–296, 305; ВД. М., 1979. Т. XV. С. 30.

²³ А.П. Арбузов и, по-видимому, члены его кружка – младшие офицеры экипажа, накануне 14 декабря и в день восстания разъясняли офицерам и матросам намерения тайного общества, касающиеся введения справедливых законов и ограничения срока службы солдат (см.: ВД. М.; Л., 1926. Т. II. С. 24–25, 30–31, 39, 45–47).

батальонным адъютантом и имевший значительное влияние на солдат, и подпоручик А.Л. Кожевников. С их помощью в тайный союз были привлечены прапорщик С.Н. Жеребцов и поручик М.М. Корсаков. Не лишено оснований предположение, что некоторые офицеры, принявшие участие в выступлении 14 декабря, в частности поручик Н.Р. Меллин, подпоручики П.Д. Прянишников и А.А. Шторх, прапорщик Г.Г. Лелякин, были связаны с декабристским обществом и инициированным им военным заговором; по всей видимости, часть конспиративных связей в Гренадерском полку была скрыта от официального расследования. В выступлении 14 декабря приняли участие ротные командиры штабс-капитан А.П. Пушин и поручик П.Е. Штакельберг, а также подпоручик К.Ф. Вреде, однако их причастность к заговору, судя по недолгому пребыванию в мятежном каре и отзывам с декабристской стороны, менее вероятна. В рядах восставшего каре на Сенатской площади оказались даже те офицеры, кто, судя по всему, не сочувствовал целям заговора, но все же получил о них некоторое представление (например, поручик В.И. Зальца)²⁴. Состав офицеров Гренадерского полка – участников выступления 14 декабря выявлен не полностью: все вышеназванные лица, кроме Сутгофа, пришли на Сенатскую площадь вместе с отрядом Н.А. Панова, но очевидцы событий видели офицера, шедшего вместе с Сутгофом впереди его роты, которая появилась на площади раньше; кто это был – до сих пор неизвестно²⁵. Можно заключить, что в Гренадерском полку, как и в Гвардейском экипаже, сформировалось надежное ядро решительно настроенных офицеров, окруженное вовлеченными в заговор товарищами, способное «поднять» большую часть лейб-гренадер и оказать влияние на нижние чины. Лейб-гренадеры представляли собой вторую основную ударную силу, которой располагали лидеры заговора.

Давно пользовались влиянием члены Северного общества в Московском полку. С марта 1825 г., после перехода из Балтийского флота, ротным командиром в нем служил штабс-капитан М.А. Бестужев. В дни междуцарствия он привлек в тайное общество другого ротного командира – штабс-капитана Д.А. Щепина-Ростовского. Оба энергичных, преданных целям заговора офицера начали деятельную подготовку к выступлению, вели агитацию среди нижних чинов. За несколько дней до 14 декабря благодаря их усилиям против новой присяги были согласны действовать еще четыре командира и командующих ротами: поручик А.А. Брокке, штабс-капитан В.Ф. Волков, капитан А.А. Корнилов и поручик А.С. Кушелев. К заговорщикам присоединились также поручик А.А. Бекетов, подпоручики М.Ф. Кудашев и П.И. Цицианов, прапорщик А.Ф. Багговут и прикомандированный к полку штабс-капитан Учебного карабинерного полка С.Н. Лашкевич²⁶. По полученным в ходе следствия данным, принять участие в выступлении против присяги Николаю I соглашался батальонный командир полковник А.Д. Неелов, что, однако, полностью не подтвердилось²⁷. Мемуарные записки А.Ф. Багговута, помимо указаний на собственное участие в событиях на стороне заговорщиков и оказанное сопротивление присяге Николаю I, содержат уникальные данные,

²⁴ См. мемуарную записку В.И. Зальцы: 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 169–171. Следует указать на факт близких дружеских связей Зальцы с заговорщиками в Гренадерском полку, благодаря чему ему было известно о причастности к заговору А.М. Булатова (см. рассказ сводного брата декабриста Александра Булатова в записи А.А. Титова: Русская старина. 1887. Т. 53. № 1. С. 213; ср. комментарий к этому рассказу: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 662).

²⁵ См. рапорт дежурного штаб-офицера Отдельного корпуса внутренней стражи Репешки Е.Ф. Комаровскому: Русский архив. 1905. Кн. 2. № 6. С. 312–313. Указания о том, что с ротой А.Н. Сутгофа на Сенатскую площадь прибыл прапорщик С.Н. Жеребцов, не подтверждаются документами его следственного дела – он был в составе правительственных войск на Дворцовой площади (ВД. М., 2008. Т. XXI. С. 239; ср.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 68).

²⁶ Степень близости этих офицеров к тайному обществу и их осведомленность о планах заговорщиков в достаточной мере не изучены. А.Ф. Багговут и С.Н. Лашкевич не были включены Боровковым в его «Алфавит...», отсутствуют они и в биографическом справочнике «Декабристы». Об участии этих офицеров в событиях 14 декабря см.: Гордин Я.А. Мятеж реформаторов... С. 199, 240–241. См. также записки А.Ф. Багговута и рассказы М.А. Бестужева в записи М.И. Семева: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 288–289, 318–320.

²⁷ Декабристы. Биографический справочник... С. 127, 292.

раскрывающие действия А.Д. Неелова и его брата подпоручика Н.Д. Неелова в день 14 декабря, направленные против присяги Николаю I²⁸. Не исключено, что братья Нееловы действовали в согласии с ячейкой заговора в Московском полку. Материалы полкового расследования показывают, что к числу заговорщиков-московцев возможно принадлежал прапорщик А.П. Малиновский²⁹. Наличие двух решительно настроенных офицеров, образовавших активное «звено» тайного общества в Московском полку, позволяло «штабу» заговорщиков уверенно рассчитывать на участие в перевороте по крайней мере двух рот; мобилизация всех сил, причастных к заговору (особенно одного из батальонных командиров), обеспечивала переход на сторону восстания если не всего полка, то подавляющего большинства московцев. Две роты Московского полка могли составить еще одну ударную силу заговорщиков.

На другие полки, входившие в 1-ю гвардейскую пехотную дивизию, руководители готовящегося восстания в полной мере рассчитывать не могли: в их рядах находились лишь единичные участники заговора (например, подпоручик Преображенского полка Н.В. Шереметев), на которых нельзя было опереться³⁰. Тем не менее заговорщики питали надежду, что Семеновский полк мог быть увлечен соседним с ним Московским³¹. По-видимому, были предприняты усилия с целью склонить к участию в восстании старейший и наиболее авторитетный в Гвардейском корпусе Преображенский полк. Полковник И.П. Шипов, с которым, как уже отмечалось, предположительно вели переговоры лидеры заговора, хотя и принадлежал к давним участникам Северного общества, но к 1825 г. отошел от политических замыслов; возможно, с его именем были связаны надежды заговорщиков на содействие преображенцев.

Эти же расчеты, как можно полагать, повлекли за собой практические действия – возможно, попыткой декабристов повлиять на ситуацию в старейшем гвардейском полку стало происшествие в казармах 1-го батальона преображенцев на Большой Миллионной улице, имевшее место в ночь с 13 на 14 декабря. Явившийся в казармы поручик гвардейского Конноегерского полка А.В. Чевкин начал уверять солдат, что присяга Николаю I – это «клят-вопреступление», что «вся гвардия» ожидает от них «примера и указания», как следует ей действовать, убеждал не принимать этой присяги. Задержанный фельдфебелем Чевкин сумел освободиться и покинуть казармы, но той же ночью был арестован³². Я.А. Гордин справедливо заметил по этому поводу: «Эпизод этот странен и непонятен по сию пору. Плохо верится, что Чевкин действовал сам по себе. Известно, что лидеры [тайного] общества думали о способах воздействия на преображенцев, стоявших рядом с [Зимним] дворцом и представлявших собой главную опасность при попытке ареста Николая и его семейства. Не установлено никаких связей Чевкина с [тайным] обществом... Очевидно, мы плохо знаем этот второй ряд декабристской периферии»³³. В настоящее время не обнаружено доказательств участия А.В. Чевкина в декабристском обществе, однако опубликованы свидетельства, которые проясняют его причастность к заговору. Воспитывался он в Пажеском

²⁸ См. записки А.Ф. Багговута: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 319.

²⁹ ВД. Т. XXI. С. 317.

³⁰ Кроме Н.В. Шереметева, в числе офицеров Преображенского полка были знавшие о существовании и целях тайного общества, но отказавшиеся стать его участниками подпоручик В.Х. Граве и поручик Н.Д. Зубов; предложения им задолго до 14 декабря 1825 г. делал активист Южного общества А.В. Поджио; первого из них (Граве) пытался повторно вовлечь в заговор Н.В. Шереметев (Декабристы. Биографический справочник... С. 250, 259). В рядах преображенцев числился ставший в 1824 г. адъютантом великого князя Михаила капитан Н.Н. Анненков, предположительно знавший о тайном обществе. На его квартире Поджио останавливался, приезжая в Петербург и встречаясь с другими членами декабристского союза (ВД. Т. I. С. 266). Наконец, к дружескому окружению Поджио относился ротный командир капитан П.Н. Игнатьев, который, согласно семейным рассказам, «вращался в кругу будущих декабристов» и чудом избежал участия в восстании, дав накануне 14 декабря слово своей матери, что «будет «благоразумен» и не выступит против власти» (Игнатьев А.А. На фронте. Пятьдесят лет в строю. М., 2013. С. 4).

³¹ См. «Записки декабриста» Д.И. Завалишина: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 332, 335.

³² См. записку П.Н. Игнатьева: 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография... Вып. 4. С. 102–103.

³³ Гордин Я.А. Мятёж реформаторов... С. 214–215.

корпусе, где его товарищами по обучению были П.Н. Свистунов, А.С. Гангеблов, другие будущие члены декабристских союзов. Как следует из показаний Д.А. Искрицкого, Чевкин был с ним хорошо знаком, а показания близкого к тайному обществу Г.А. Перетца свидетельствуют: в Петербурге Чевкин проживал на квартире Искрицкого, принятого в Северное общество в дни междоусобицы. Согласно показаниям Перетца, Чевкин действовал не один: вместе с ним в казармы преображенцев приехал еще один офицер³⁴. К этому следует добавить, что его младший брат К.В. Чевкин (впоследствии член Государственного совета, главноуправляющий ведомства путей сообщения) посещал собрания кружка, примыкавшего к Северному обществу, вращаясь в кругу «северян» – офицеров Генерального штаба и петербургских «южан»³⁵. Действия А.В. Чевкина как участника событий 14 декабря не стали предметом рассмотрения следствия, поэтому сведения о нем отсутствуют в «Алфавите...» Боровкова. В конечном счете попытка офицера, очевидно, связанного с декабристским заговором, оказать влияние на 1-й батальон Преображенского полка, расположенный недалеко от Зимнего дворца, и вызвать в нем сопротивление присяге закончилась неудачей.

Тайное общество распространило свое влияние и на 2-ю гвардейскую пехотную дивизию. В нее входили полки (Измайловский, Егерский, Финляндский), в которых в разные годы служили многие участники декабристских организаций; к 1825 г. могли сохраняться связи руководителей Северного общества с участниками офицерских кружков в этих полках, существовавших в начале 1820-х гг., что могло поддерживать надежды на содействие; в дни перед 14 декабря из числа измайловцев и финляндцев активно вербовались новые участники заговора.

В Измайловском полку к тайному обществу принадлежали ротный командир капитан И.И. Богданович и подпоручик Н.П. Кожевников – оба вступили в декабристский союз задолго до кончины Александра I. В дни междоусобицы в этом полку благодаря усилиям Е.П. Оболенского и Н.П. Кожевникова в заговор вошло еще не менее 10 офицеров: подпоручики А.Н. Андреев, А.П. Вадбольский, М.П. Малютин, А.А. Фок, поручики В.Ф. и И.Ф. Львовы, подпоручик И.П. Гудим (Гудима), к заговорщикам имели отношение молодые офицеры – прапорщики В.Н. и Н.Н. Креницыны, а также, возможно, подпоручик К.П. Миллер. Кроме того, в 3-м батальоне, находившемся за городом, служили участники петербургского филиала Южного общества подпоручик М.Д. Лаппа и поручик А.С. Гангеблов. К ним в канун 14 декабря была послана записка от Н.П. Кожевникова с сообщением о готовящемся сопротивлении присяге и вероятным призывом поддержать эти действия в загородном батальоне³⁶. Важную роль в распространении заговора среди измайловцев сыграли Рылеев и Оболенский: первый содействовал принятию в тайный союз своего родственника М.П. Малютина, а последний поддерживал связь с офицерами полка, способствуя укреплению их отношений с ядром декабристского общества. Многочисленная группа офицеров, согласившихся противиться «переприсяге», налаженные некоторыми из них контакты с нижними чинами, наличие среди заговорщиков по крайней мере одного ротного командира – все это позволяло

³⁴ ВД. М., 1984. Т. XVIII. С. 133; М., 2001. Т. XX. С. 53. Г.А. Перетц отрицал участие А.В. Чевкина в заговоре, сообщая, что «он действовал только по безрассудной пылкости»; недостаточная осведомленность автора показаний, отошедшего от конспиративных связей, заставляет в этом усомниться.

³⁵ По собственным воспоминаниям К.В. Чевкина, он был знаком с «влиятельнейшими» лицами из круга декабристов, а по словам его биографа – только служебная занятость спасла его от вступления в тайное общество; данные о прямом участии его в заговоре не обнаружены, но тесные связи с заговорщиками, осведомленность об их настроениях не вызывают сомнений (*Ореус И.И.* Константин Владимирович Чевкин. Биографический очерк // *Русская старина*. 1877. Т. 19, № 5. С. 4; см. показания А.С. Гангеблова: ВД. Т. XVIII. С. 22, 25; ср. записки М.И. Пущина, согласно которым К.В. Чевкин проживал с братьями Д.А. и А.А. Искрицкими в одном из домов на набережной Мойки недалеко от квартиры К.Ф. Рылеева, входил в близкий к тайному обществу кружок: *Русский архив*. 1908. № 11. С. 434). В этом контексте складывается более отчетливое представление о связях его старшего брата (А.В. Чевкина) с участниками заговора.

³⁶ ВД. Т. XVIII. С. 18, 23 (показания А.С. Гангеблова). Гангеблов и Лаппа были не единственными измайловцами, причастными к петербургскому филиалу «южан», имена других неизвестны; кроме того, в 3-м батальоне служили несколько предполагаемых участников заговора, о которых будет сказано дальше.

«штабу» заговора рассчитывать на участие в выступлении большей части измайловцев, если не всего полка. При благоприятном для заговорщиков развитии событий Измайловский полк в полном составе (или его часть) мог выступить значительной вооруженной силой в поддержку главных ударных отрядов.

Нельзя быть уверенным, что сеть конспиративных контактов, связывавшая офицеров Измайловского полка с декабристским обществом, была в полной мере установлена в ходе официального следствия. Очевидно, на допросах и в письменных показаниях часть данных скрывалась, предпринимались усилия для сокрытия обстоятельств, связанных с антиправительственным заговором. Вновь опубликованные материалы следствия заставляют обратить внимание на фигуру полковника Измайловского полка А.П. Воейкова, связанного дружескими, а возможно, и конспиративными связями с членами Северного общества. В день 14 декабря он совершил несколько поездок в казармы гвардейских полков – в первую очередь восставшего Московского, вероятно, для сбора информации о ходе событий; причины его активности не были выяснены, на следствии эти показания Воейков отрицал и был освобожден как непричастное лицо³⁷. Сохранились указания на близость к заговору еще одного измайловца, подпоручика А.П. Козлова, переведенного в 1826 г. на Кавказ «за соприкосновенность с лицами, причастными к злоумышлению и государственному преступлению», но сделавшего затем значительную карьеру³⁸. Кроме того, до нас дошел уникальный документ, озаглавленный «Полицейская характеристика офицеров л.-гв. Измайловского полка» (1827), возможно, проливающий свет на утаенные от официального следствия конспиративные связи в этом полку. В сводке данных, добытых агентами тайной полиции, даются сведения о заговорщиках, уцелевших от правительственного расследования: спустя два года после событий восстания полицейские агенты располагали информацией о том, что часть офицеров, продолживших службу, в день 14 декабря была в числе «подстрекателей», отговаривавших солдат от присяги Николаю I и призывавших к возмущению. Особое значение документу придает наличие на нем помет, принадлежащих самому императору, из чего следует, что документ был подан на высочайшее рассмотрение. В числе офицеров – участников заговора, действовавших в день восстания, были названы³⁹: поручики Н.В. Зиновьев, Е.А. Кобяков, М.Ф. Плаутин, штабс-капитаны В.Д. или П.Д. Норов, О.Е. Штакельберг, капитан М.Н. Семенов⁴⁰, а также поручик Бутурлин⁴¹. Еще один названный в сводке офицер, прапорщик В.Н. Креницын, согласно материалам следствия, действительно участвовал в собраниях заговорщиков в полку, что придает сведениям этого источника определенную достоверность⁴². Данные, включенные в сводку, почти не поддаются критической проверке, но заслуживают внимания как отражение, вероятно, скрытых от внимания следствия связей офицеров-измайловцев с декабристским заговором.

Финляндский полк также принадлежал к гвардейским частям, на которые лидеры заговора делали самую серьезную ставку. В некотором отношении этот полк мог сыграть ключевую роль в реализации планов заговорщиков. 10 и 11 декабря, с помощью И.И. Пущина, Е.П. Оболенского (числившегося в этом полку), а также главного «агента» заговорщического «центра» среди финляндцев – штабс-капитана Н.П. Репина (участника

³⁷ ВД. Т. XXI. С. 177, 251–252 (показания К.П. Миллера, следственное дело А.П. Воейкова).

³⁸ Принцева Г.А. Декабристы в изобразительном искусстве. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1990. С. 193.

³⁹ Чины даются по состоянию на 1825 г.

⁴⁰ М.Н. Семенов был связан с участниками Союза благоденствия и вместе со старшим братом, офицером-измайловцем Н.Н. Семеновым, мог с начала 1820-х гг. сохранять дружеские отношения с активом Северного общества.

⁴¹ Поскольку в списках офицеров Измайловского полка фамилия Бутурлина в эти годы не значится, следует полагать, что в текст документа вкралась ошибка или же она была допущена при публикации; скорее всего, в данном случае подразумевается один из братьев – Д.И. или П.И. Батурин.

⁴² Полицейская характеристика офицеров л.-гв. Измайловского полка // Русская старина. 1906. № 12. С. 705–710. В отношении Бутурлина (Батурина), Е.А. Кобякова, В.Д. (или П.Д.) Норова, О.Е. Штакельберга Николай I отрицал представленную в донесении информацию об участии их в событиях 14 декабря на стороне заговорщиков, в отношении В.Н. Креницына отметил: «Он почти наверное участвовал в заговоре 14 декабря», в отношении Н.В. Зиновьева – «За него не ручаюсь», в отношении М.Ф. Плаутина отозвался незнанием, а в отношении М.Н. Семенова косвенно отверг его причастность к заговору: «Он был в Петергофе».

петербургской организации Южного общества, вступившего также и в Северное общество)⁴³, в этой гвардейской части в замысел восстания было посвящено не менее 11 офицеров: сначала поручик А.Е. Розен⁴⁴, а затем подпоручики И.А. Базин, А.А. Бурнашев, Я.Г. Насакин, прапорщики А.И. Богданов, А.Ф. Гольтгоер, А.И. Мореншильд, Ф.Б. Мореншильд, Г.Г. Насакин, А.Ф. Нумерс, о намерениях тайного общества знал поручик Н.Р. Цебриков⁴⁵. Все они были ознакомлены с целями заговора и выразили согласие принять участие в выступлении, оказав сопротивление присяге Николаю I. Несомненно, эта группа офицеров была более многочисленной по сравнению с тем, что стало известно следствию. Так, согласно запискам А.Е. Розена, на собрании у Н.П. Репина 11 декабря, помимо хозяина и самого мемуариста, присутствовало «до 16 молодых офицеров», «частью посвященных в тайны главного предприятия»⁴⁶. Еще один участник декабристского общества в полку – состоявший в петербургской организации «южан» поручик А.А. Добринский, по-видимому, остался вне сферы деятельности заговорщиков.

Следует подчеркнуть, что на Финляндский полк руководители заговора возлагали особые надежды: в Северном обществе состояли оба командира батальонов, находившихся в Петербурге, – гвардии полковники А.Ф. Моллер и А.Н. Тулубьев. Связь с ними поддерживали Е.П. Оболенский, Н.А. Бестужев, в канун 14 декабря – К.Ф. Рылеев. Содействие обоих полковников, казалось бы, обеспечивало участие финляндцев в восстании в полном составе двух батальонов, однако надежного согласия со стороны как Моллера, так и Тулубьева, по-видимому, не было, так как лидеры заговора неоднократно посещали казармы полка. Особенно важным было участие 2-го батальона, вступавшего 14 декабря в караулы в Зимнем дворце, что открывало перед заговорщиками возможности, сопоставимые с теми, которыми обладали участники заговора против Павла I. Командир 2-го батальона А.Ф. Моллер сначала дал слово действовать на стороне восстания⁴⁷. Возглавляя дворцовые караулы, он имел широкий круг полномочий, позволявших беспрепятственно проводить войска внутри дворца или своей волей их задерживать. Участие Моллера на стороне декабристов в контексте замысла захвата Зимнего дворца становилось одним из ключевых факторов успеха заговорщиков. 10 декабря к нему приезжал Оболенский (давний товарищ по тайному союзу), в дальнейшем контакты поддерживал Н.А. Бестужев. Но накануне присяги, 13 декабря, Моллер отказался от участия в выступлении, а значит в установлении контроля над Зимним дворцом. Большой интерес в связи с этим представляет свидетельство из записок М.И. Пущина, который вечером 13 декабря на собрании у Рылеева узнал, что Моллер «должен был завладеть дворцом», а затем встретил его на улице у квартиры Рылеева, куда тот направлялся для объяснений в связи с данным ранее обещанием; после разговора с М.И. Пущиным полковник решил не участвовать в восстании, «от замыслов которого у него кружилась голова»⁴⁸. Без согласия полковника А.Н. Тулубьева Розен не мог обеспечить переход на сторону восставших 1-го батальона, обещая содействие только командующего им взвода. В канун 14 декабря Тулубьев вслед за Моллером отказался выступить

⁴³ Н.П. Репин командовал ротой в 3-м батальоне Финляндского полка, располагавшемся в окрестностях Петербурга, но находился в городе.

⁴⁴ А.Е. Розен был привлечен Н.П. Репиным ранее других офицеров (10 декабря) и, как можно полагать, принят в Северное общество (см.: ВД. Т. II. С. 363; Т. XV. С. 213, 215).

⁴⁵ Н.Р. Цебриков состоял в 3-м батальоне, но находился в Петербурге.

⁴⁶ См.: Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 122. Мемуарист подчеркивал: «Можно было положиться на готовность молодых офицеров, но отнюдь не на ротных командиров» (Там же). В связи с вопросом о причастных к декабристскому союзу лицах, оставшихся в тени следствия, обращают на себя внимание офицеры-финляндцы, входившие в близкое окружение наиболее активных заговорщиков в полку Репина и Розена, предположительно знавшие о существовании заговора. К их числу относятся поручик П.И. Греч, младший брат известного литератора и журналиста Н.И. Греча, и подпоручик В.А. Бурнашев, брат А.А. Бурнашева. В начале 1825 г. вышел в отставку близкий к декабристским кругам еще со времен Союза благоденствия капитан И.В. Малиновский – родственник А.Е. Розена и давний друг И.И. Пущина; в декабре 1825 г. его участие в заговоре стало бы практически несомненным.

⁴⁷ Розен А.Е. Записки декабриста... С. 122; ср.: Гордин Я.А. Мятеж реформаторов... С. 143.

⁴⁸ Пущин М.И. Записки... С. 436.

на стороне тайного общества. Надежды на присоединение к восстанию обоих батальонов Финляндского полка исчезли, как и благоприятная возможность быстрого и беспрепятственного захвата Зимнего дворца; тем не менее заговорщики были уверены в том, что Финляндский полк, пусть и не в полном составе, выступит на их стороне, поскольку сохранялась возможность активных действий младших офицеров, находившихся под влиянием Репина и Розена.

Согласно следственным показаниям, в число гвардейских частей, на которые рассчитывали руководители заговора, входил Егерский полк⁴⁹. Следствие не установило участия в тайном обществе ни одного из офицеров этого полка за исключением числившегося в нем подпоручика Я.И. Ростовцева, однако он находился не во фронте, а занимал адъютантскую должность. Было известно, что солдаты и офицеры Егерского полка враждебно настроены к своему дивизионному (до 1825 г. – бригадному) начальнику великому князю Николаю Павловичу из-за его претензий к полку и жесткой манеры командования. Сообщество офицеров – гвардейских егерей за несколько лет до событий 1825 г. было вовлечено в деятельность декабристских обществ и кружков, проявило себя в известной «норовской истории» 1822 г., которая была вызвана конфликтом группы офицеров именно с великим князем Николаем⁵⁰. Офицеры-егеря на протяжении многих лет проживали в одном здании с измайловцами (дом М.А. Гарновского), были связаны с ними товарищескими узами. Наконец, начальник пехоты Гвардейского корпуса К.И. Бистром, бывший прежде командиром Егерского полка, имел на него значительное влияние; можно было надеяться, что популярность генерала в солдатской среде послужит залогом того, что полк займет 14 декабря враждебную Николаю I позицию⁵¹. Однако все эти соображения не отменяют того обстоятельства, что для уверенных расчетов на гвардейских егерей нужны были активные действия офицеров в полку, нацеленные на вывод их из казарм и присоединение к восставшим. Вероятно, конспиративная ячейка в Егерском полку, связанная с «центром» заговора, существовала, но была полностью укрыта от внимания следствия, поэтому нам о ней ничего неизвестно.

В целом в обеих гвардейских пехотных дивизиях вне влияния тайного общества оставались Преображенский, Семеновский и Павловский полки и Саперный батальон; в их рядах практически отсутствовали офицеры, на содействие которых можно было рассчитывать. В Саперном батальоне служил младший брат члена Северного общества М.А. Назимова подпоручик И.А. Назимов, который, согласно запискам М.И. Пущина, знал о существовании заговора (вероятно, от самого мемуариста)⁵², но в одиночку он ничего не мог сделать; других данных о связях офицеров-саперов с тайным обществом не обнаружено.

⁴⁹ К.Ф. Рылеев показал, что на Егерский полк рассчитывали, основываясь на словах лейтенанта Гвардейского экипажа А.П. Арбузова, а тот в свою очередь ссылался на сообщение лейтенанта Н.П. Окулова, утверждавшего, что гвардейские егеря (нижние чины), шефом которых был цесаревич Константин, не хотят присягать Николаю Павловичу (ВД. Т. I. С. 65, 185–186; Т. II. С. 39), однако едва ли такого рода информация могла лежать в основе уверенных расчетов заговорщиков на этот полк.

⁵⁰ О «норовской истории» (протесте В.С. Норова и других офицеров Егерского полка против Николая Павловича) см.: *Поливанов Н.П.* Декабрист В.С. Норов // *Русский архив.* 1900. № 2. С. 273–304; *Смирнов И.А.* Декабрист В.С. Норов // *Декабристы Дмитровского уезда: сб. ст. Дмитров, 1925.* С. 50–82; *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 374; *Гордин Я.А.* Мятаж реформаторов... С. 57–58; *Левин С.В.* В.С. Норов – «декабрист без декабря» // *Известия Саратовского университета. Сер.: История, международные отношения.* 2008. Т. 8, № 1. С. 47–52.

⁵¹ Я.А. Гордин выстроил аргументированную версию поведения К.И. Бистрома в период междуцарствия и в день 14 декабря. Согласно ей, еще 27 ноября Бистром вместе с М.А. Милорадовичем противодействовал воцарению Николая – генерал твердо сказал тогда своему адъютанту Е.П. Оболенскому, что «никому, кроме Константина, не присягнет». 14 декабря Бистром до последнего момента затягивал присягу Егерского полка, так что в 1-м часу дня присягнул только 1-й батальон (*Гордин Я.А.* Мятаж реформаторов... С. 311–318); егеря примкнули к правительственному лагерю одними из последних. По пути следования у Каменного моста произошла попытка стрелкового взвода повернуть назад, описанная самим Николаем I (см.: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 47).

⁵² *Пущин М.И.* Записки... С. 438.

Легкая гвардейская кавалерия (Гусарский, Уланский, Драгунский, Казачий полки) в полном составе располагалась в окрестностях Петербурга, поэтому вряд ли могла сыграть существенную роль в надвигающихся событиях; к тому же, насколько известно, в этих полках имелись только единичные участники тайных обществ (например, поручик Гусарского полка Г.Д. Колокольцев), которые без поддержки других офицеров не имели возможности повлиять на ход событий. Тем не менее декабристские лидеры, вероятно, принимали меры с целью оказать воздействие на полки, находившиеся в окрестностях Петербурга⁵³.

Не могли в полной мере надеяться заговорщики и на тяжелую (кирасирскую) гвардейскую кавалерию, однако в этом случае ситуация была несколько иной. В рядах находящихся в столице кавалерийских полков числились многие участники тайного общества, но для руководства декабристской конспирации положение дел здесь складывалось неблагоприятным образом. В Кавалергардском полку офицеры – члены тайного общества (главным образом петербургские «южане»), вследствие позиции их руководителя корнета П.Н. Свистунова, не были готовы к выступлению, испытывали сомнения в целесообразности сопротивления присяге, в большинстве своем не имели каналов влияния на нижние чины. 11 или 12 декабря поручик И.А. Анненков и корнет Д.А. Арцыбашев совещались с руководителями «северян», получили сведения о разработанных ими планах открытого выступления, передали эти сведения товарищам в полку, но не обещали активного содействия, а считали возможным присоединение кавалергардов к восставшим полкам только в случае успешного начала возмущения; корнеты Н.Н. Депрерадович и А.Н. Вяземский занимали пассивную позицию. Только член Северного общества корнет А.М. Муравьев и поручик А.С. Горюханский, продолжавшие поддерживать связь с Е.П. Оболенским, собирались предпринять решительные шаги при известии о начале восстания – у обоих были налажены контакты с солдатской средой⁵⁴. К сказанному необходимо добавить, что не все вовлеченные в конспиративные связи офицеры-кавалергарды были выявлены в ходе следствия или привлекли его внимание. В следственных материалах содержатся данные о том, что о намерениях заговорщиков на 14 декабря знал подпоручик Андрей Н. Вяземский (старший брат корнета Александра Н. Вяземского). В ходе следствия прозвучало имя юнкера Кавалергардского полка В.Г. Строганова как офицера, принятого в тайное общество, но это не имело для обоих никаких последствий. Источники подтверждают возможное участие в тайном обществе и почти несомненную осведомленность о заговоре корнета В.Ф. Фрезера (по-видимому, он был арестован, но затем освобожден); наконец, в числе молодых офицеров, тяготевших к заговорщикам (сообщавших им в день выступления 14 декабря, как видно из материалов следствия, сведения о ходе событий), оказались юнкеры Павел Г. и Петр Г. Демидовы, представители известного рода заводчиков и землевладельцев⁵⁵. В целом проявленная петербургскими «южанами» нерешительность вызвала у лидеров заговора сомнения относительно перехода Кавалергардского полка на сторону восстания. В то же время сохранялись надежды, что при успешном начале выступления кавалергарды к нему примкнут, поскольку в полку имелось немало число членов тайного общества.

В Конном полку корнет А.И. Одоевский и другие офицеры (члены Северного и Южного обществ – всего не менее 7 человек: «северяне» поручики А.К. Ливен, М.Ф. Голицын, корнет А.А. Плещеев 2-й и «южане» юнкер А.А. Суворов, корнеты Ф.В. Барыков и А.Е. Ринкевич) также вели себя достаточно пассивно и не могли надеяться на поддержку солдат, обещая при благоприятных условиях только личное содействие; они не решались вести конногвардейцев туда, куда укажут лидеры заговора. Вероятно, эта позиция стала следствием недостаточно активных связей офицеров с ядром тайного общества. А.А. Бестужев, возможно, раскрыл

⁵³ См. далее эпизод с поручиком гвардейского Уланского полка А.А. Скалоном.

⁵⁴ ВД. Т. I. С. 245, 247; Т. XIV. С. 362; Т. XVIII. С. 260.

⁵⁵ ВД. Т. XIV. С. 362, 385; Т. XVIII. С. 261–262; Т. XI. М., 1954. С. 207. В мемуарном очерке И.Д. Якушкина «Четырнадцатое декабря» (14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 251) в числе членов тайного общества в Кавалергардском полку значится полковник П.П. Ланской, но участие его в декабристском союзе (или заговоре 1825 г.) не подтверждается осведомленными свидетелями (*Свистунов П.Н. Сочинения и письма...* С. 170).

в своих показаниях причину, не позволившую привлечь конногвардейцев к участию в восстании. Оценивая действия Одоевского, он показал: «Накануне [14 декабря] стоял он в карауле и потому не успел передать мне своих офицеров, от чего ни одного из них на площади не было»⁵⁶. Так или иначе, группа заговорщиков в Конном полку осталась незадействованной; расчеты декабристов на этот полк если и были, то не опирались на прочное основание.

Зато можно было рассчитывать на входивший в состав Конно-пионерного дивизиона гвардейский Конно-пионерный эскадрон (около 300 сабель) – военно-инженерную часть, экипированную в виде кавалерийской⁵⁷. На протяжении 1824–1825 гг. время от времени командование над гвардейскими конно-пионерами принимал капитан М.И. Пущин, популярный среди нижних чинов. С приездом из Москвы старшего брата И.И. Пущина Михаил, давно находившийся в орбите влияния декабристского союза, вошел в ряды тайного общества и согласился принять участие в восстании, сначала обещая присоединить к нему весь эскадрон, а затем его часть⁵⁸. Судя по всему, Пущин был не одинок в этом намерении: согласно его запискам, с ним были тесно связаны служившие в эскадроне штабс-капитан В.С. Денисов, поручики А.Ф. Бартоломей и П.М. Дараган, которых он посвятил в замыслы организаторов восстания и на содействие которых, вероятно, рассчитывал; с ними же накануне 14 декабря он обсуждал возможность активных действий в день присяги⁵⁹.

Декабристы питали определенные надежды на присоединение к восстанию гвардейской артиллерии, хотя сохранившиеся данные о связях «штаба» заговора с офицерами-артиллеристами отличаются несомненной неполнотой и фрагментарностью. В конной артиллерии несколько офицеров согласились выступить на стороне тайного общества. В «Алфавите...» Боровкова указаны имена пятерых из них: подпоручиков А.Г. Вилламова, А.И. Гагарина, К.Д. Лукина, прапорщика А.В. Малиновского и прикомандированного к гвардейской конной артиллерии прапорщика 9-й конноартиллерийской роты И.П. Коновницына. Их связь с руководителями тайного общества объясняется тем, что один из активных заговорщиков-конноартиллеристов, прапорщик А.В. Малиновский, был младшим братом лицейского товарища И.И. Пущина И.В. Малиновского (их связывала давняя дружба), в силу чего был знаком с представителями «штаба» восстания, а другой – прапорщик И.П. Коновницын имел контакты с Е.П. Оболенским, хорошо знавшим его старшего брата П.П. Коновницына, члена Северного общества⁶⁰. Эти два офицера, судя по всему, образовали «опорное звено» заговорщиков в рядах конной артиллерии. Точное число конноартиллеристов, согласившихся участвовать в восстании, до сих пор неизвестно, поскольку выявленными в ходе следствия офицерами, судя по всему, дело не ограничилось. Согласно мемуарным свидетельствам, опирающимся на сообщения участников событий, количество офицеров, оказавших сопротивление присяге, было несомненно больше по сравнению с тем, что известно благодаря «Алфавиту...» Боровкова. Отец одного из заговорщиков Г.И. Вилламов сообщает в своем дневнике о шести, затем о семи офицерах, отказавшихся присягать и затем арестованных; в другом месте он, как и другой мемуарист – начальник артиллерии Гвардейского корпуса И.О. Сухозанет, утверждает, что против присяги возражали едва ли не все офицеры (кроме командиров и старших по чину)⁶¹. Таким образом, есть основание полагать, что в число присоединившихся к основной ячейке заговорщиков, связанной с Северным обществом, могла войти большая часть офицеров конно-батарейной батареи, где 14 декабря

⁵⁶ ВД. Т. I. С. 445; ср.: Ильин П.В. Декабристы, оправданные на следственном процессе: офицеры-конногвардейцы М.Ф. Голицын, А.К. Ливен, А.А. Плещеев... С. 91–99.

⁵⁷ См.: Габеев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года: военно-историческая справка // Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года... С. 170.

⁵⁸ ВД. Т. XIV. С. 453, 459.

⁵⁹ Пущин М.И. Записки... С. 436.

⁶⁰ См.: ВД. Т. XIV. С. 160 (показания В.И. Штейнгейля); Т. I. С. 236 (показания Е.П. Оболенского). С. 446 (показания А.А. Бестужева).

⁶¹ См. воспоминания И.О. Сухозанета и дневник Г.И. Вилламова: 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 84, 85, 223, 225.

произошли беспорядки, за вычетом штаб-офицеров и старших обер-офицеров. Исключив их, а также тех, кто занимал адъютантские должности и, по всей видимости, не находился в строю, получаем перечень предполагаемых участников волнений в конной артиллерии: прапорщики С.С. Голицын, М.П. Добринский, К.И. Клочковский, Н.И. Лавров; к этой группе относился и внук фаворита Павла I И.П. Кутайсов, служивший в 1825 г. прапорщиком гвардейской конной артиллерии. Итак, организаторы восстания могли опереться на немалое число примкнувших к заговору молодых офицеров-конноартиллеристов, но все зависело от степени их активности в день выступления, способности вывести из казарм нижние чины, а значит орудийные расчеты с пушками, что могло быть блокировано действиями старших офицеров. Фактор «малого чина» заговорщиков проявляется здесь особенно наглядно: как покажут события, усилий младших офицеров оказалось недостаточно для перелома ситуации в пользу заговорщиков; тем не менее накануне 14 декабря шансы на участие конной артиллерии сохранялись.

Существуют указания, что ожидалось участие на стороне восставших и гвардейской пешей артиллерии (1-я артиллерийская бригада). И.Д. Якушкин (со слов И.И. Пущина и Е.П. Оболенского), а также М.А. Бестужев в своих мемуарах называют по имени одного члена тайного союза – поручика А.М. Голицына (старшего брата участника Северного общества В.М. Голицына), который не только состоял в заговоре, но и предпринял попытку присоединить пешую артиллерию к восстанию. Д.И. Завалишин в своих «Записках» отмечает руководящую роль А.М. Голицына среди заговорщиков в 1-й артиллерийской бригаде и упоминает еще поручиков И.М. Бакунина и А.И. Философова если не принятых в декабристский союз, то знавших о его существовании и находившихся под влиянием Голицына⁶². Являются ли эти указания безосновательной выдумкой (мотивы которой трудно объяснить) или за ними стоят реальные факты? Следственные материалы не подтверждают мемуарных указаний декабристов, как и акта сопротивления присяге в пешей артиллерии, но в период следствия, как уже говорилось, многие конспиративные связи были скрыты от правительства по вполне понятным причинам. Историкам (в частности, Г.С. Габаеву) удалось собрать только косвенные данные о скрытом сопротивлении приказам правительственной стороны, проявившемся в пешей артиллерии: 14 декабря в 1-й батарее роте построения в орудийных конных упряжках были перерублены, поэтому пушки против восставших быстро вывезти не удалось⁶³. Вновь опубликованные источники позволяют дополнить ранее известные сведения: донесение полицейского агента, передающее рассказ солдата 1-й артиллерийской бригады, подтверждает – офицеры пешей артиллерии (в частности, один из адъютантов начальника бригады – А.И. Философов или А.П. Безак) намеревались не присягать Николаю I и объявили об этом солдатам⁶⁴; вряд ли такого рода поступок мог быть случайным. Следует полагать, что противодействие присяге в 1-й артиллерийской бригаде, инициированное заговорщиками, все же имело место. Исследователи далеко не все знают о связях офицеров-артиллеристов с «ядром» декабристской организации; эти связи, по всей видимости, позволяли надеяться на участие в возмущении хотя бы части гвардейской артиллерии.

В тайном обществе состояла группа офицеров гвардейского Генерального штаба, которые должны были передавать сведения о ходе событий в казармах и передвижениях полков: это были штабс-капитан А.О. Корнилович, подпоручики Д.А. Искрицкий, П.П. Коновницын и прапорщик С.М. Палицын. Незадолго до событий 14 декабря ячейка тайного общества,

⁶² См. очерк И.Д. Якушкина «Четырнадцатое декабря», воспоминания «14 декабря 1825 года» М.А. Бестужева и «Записки декабриста» Д.И. Завалишина (14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 247, 276, 344). Известно, что один из упомянутых офицеров, близких к заговору (И.М. Бакунин), начальствовал над орудиями, открывшими артиллерийский огонь по восставшим, что в полной мере показывает, насколько непредсказуемо изменчива была граница, пролежавшая между двумя лагерями разделенной в день 14 декабря гвардии.

⁶³ См.: Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года... С. 204.

⁶⁴ См. рассказ солдата-артиллериста В.П. Киндякова: Московские толки и слухи в донесениях секретного агента отставного майора И.И. Евневича // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв. М., 2003. Вып. 12. С. 88–90 (публ. В.М. Боковой).

возникшая среди офицеров-штабистов, лишилась активного участника – младшего брата М.И. и С.И. Муравьевых-Апостолов Ипполита, недавно окончившего Училище колонновожатых и принятого в Северное общество, одновременно близкого к петербургской организации «южан». Молодой конспиратор отбыл к месту службы в главный штаб 2-й армии, выехав из Петербурга накануне 14 декабря вместе с П.Н. Свистуновым⁶⁵. В числе офицеров Генерального штаба и квартирмейстерской части, служивших при штабе Гвардейского корпуса и в учреждениях Главного штаба в столице, можно найти нескольких лиц, принадлежавших к заговору или близко к нему стоявших. Младший брат Д.А. Искрицкого, прапорщик А.А. Искрицкий, находился в числе участников кружка, примыкавшего к Северному обществу; не следует забывать и о входившем в тот же кружок офицере штаба Гвардейского корпуса К.В. Чевкине⁶⁶. Особое внимание привлекает к себе фигура подполковника В.Е. Галямина, который по сведениям, полученным в ходе следствия, вошел в состав заговора и был готов оказать сопротивление присяге Николаю I; эти сведения отвергались самим Галяминым, но такого рода факты подозреваемые лица в ходе расследования старались скрыть или смягчить; близость Галямина к заговорщикам, его осведомленность об их намерениях не вызывают сомнений⁶⁷. Участие офицера в высоком чине могло сыграть значимую роль в действиях офицеров-штабистов, обеспечив отпадение от правительственной стороны штаба гвардии или структур Главного штаба, блокирование их работы.

Итак, руководители заговора могли твердо рассчитывать на следующие гвардейские части: практически весь Гвардейский экипаж, большую часть Гренадерского, Московского и Финляндского полков, отдельные роты Измайловского полка, часть конной артиллерии и Конно-пионерного эскадрона. В случае успеха восстания к ним могли присоединиться Егерский полк, возможно – подразделения 1-й артиллерийской бригады. Сложнее обстояло дело с кавалерией: лидеры заговора надеялись на участие Кавалергардского и, возможно, Конного полков – в каждом из них были ячейки заговора, которые могли обеспечить их переход на сторону восстания. Координацию действий заговорщиков обеспечивали штабные офицеры, служившие в штабе Гвардейского корпуса и Главном штабе; здесь также ожидалось акты сопротивления присяге.

По-видимому, заговорщики имели связи с войсками, расположенными за городом. Выше упоминалась записка офицера Измайловского полка Н.П. Кожевникова, отправленная утром 14 декабря к товарищам по полку А.С. Гангеблову и М.Д. Лаппе, служившим в 3-м батальоне, находившемся в Петергофе. Правоммерно предположить, что подобные послания были отправлены участниками заговора в другие загородные батальоны. Дальнейшие события, связанные с 3-м батальоном измайловцев, вероятно, обнаруживают скрытые от нас тайные отношения, которые стоят за попытками агитации, направленными на возмущение загородных батальонов. В ночь на 15 декабря 3-й батальон измайловцев, уже после присяги, получил приказ двинуться к петербургской заставе вместе с другими частями, находившимися в окрестностях столицы. Ранним утром состоялась встреча с лейб-гвардии Уланским полком; согласно показаниям Гангеблова и Лаппы, уланский поручик А.А. Скалон обратился к заговорщикам-измайловцам и близким к ним офицерам (которыми оказались штабс-капитан В.Д. Норов⁶⁸, поручик И.А. Болтин и прапорщик

⁶⁵ ВД. Т. XIV. С. 334, 337, 340–342, 344.

⁶⁶ ВД. Т. XVIII. С. 126; ср.: *Пуцин М.И.* Записки... С. 434.

⁶⁷ ВД. Т. XXI. С. 121–124 (дело В.Е. Галямина); М., 1986. Т. XVI. С. 74, 101, 113; Т. XVIII. С. 125, 130; Декабристы. Биографический справочник... С. 247.

⁶⁸ Согласно показаниям А.С. Гангеблова, это был «Норов 4-й», что соответствует данным о В.Д. Норове. Судя по показаниям Гангеблова и Лаппы, он был осведомлен о существовании заговора и его целях, имел связь с заговорщиками в 3-м батальоне, обсуждал с ними события, связанные с выступлением 14 декабря, присутствовал во время самых откровенных разговоров (ВД. Т. XVIII. С. 23, 30). Нет сомнений, что Норов относился к числу причастных к заговору офицеров в Измайловском полку. Его брат, штабс-капитан П.Д. Норов, предположительно мог быть связан с заговорщиками согласно приведенной выше полицейской характеристике 1827 г. К этому следует добавить, что в донесении командующего полком Л.А. Симанского в числе обнаруживших свою причастность к заговору офицеров назван один из братьев Норовых (Архив измайловца [Бумаги Л.А. Симанского] // Журнал Императорского военно-исторического общества. 1911. № 2. С. 11).

П.А. Скалон – брат агитатора), утверждая, что восстание в Петербурге не разгромлено, а, напротив, разгорается: «...никто в Петербурге не присягает... нас обманывают», все гвардейские части собрались на Сенатской площади. А.А. Скалон сообщил также, что «они, лейб-улань, ожидают только первого сигнала от... батальона, чтобы единодушно закричать: “Ура Константин!”»⁶⁹. Возмущение подразделений двух гвардейских полков чуть было не началось: Лаппа с трудом был удержан от обращения к нижним чинам. Была ли эта агитация случайным эпизодом, «всплывшим» на следствии благодаря откровенности двух офицеров, или представляла собой одну из попыток связанного с заговором офицера «поднять» гвардейские части в окрестностях столицы – остается трудноразрешимым вопросом. Можно лишь предполагать, что это обращение агитатора, возможно к знакомым ему по конспиративным связям офицерам, обуславливалось влиянием обязательств перед тайным союзом. В связи с этим не лишним будет вспомнить о сведениях, полученных начальством Гвардейского корпуса к вечеру 14 декабря, «будто к гвардейским войскам, за городом расположенным, от мятежников отправлены агенты». Существуют указания мемуаристов, согласно которым были предприняты попытки со стороны бежавших после разгрома восстания мятежников воздействовать на войска, шедшие из загородного расположения к Петербургу, побудить их к новому выступлению⁷⁰. В любом случае эпизод с поручиком Скалоном показывает, что попытки агитации загородных частей предпринимались и, возможно, исходили из круга офицеров, причастных к декабристской конспирации.

Подводя итог рассмотрению военной силы, на которую рассчитывали декабристы, следует отметить, что в течение конца ноября – середины декабря 1825 г., особенно в последние дни перед восстанием, руководителям Северного общества удалось мобилизовать, по имеющимся данным, не менее 90 офицеров, состоявших в тайных обществах или заново привлеченных к заговору. Часть из них была увлечена политическими планами декабристского союза, другие не верили в законность присяги Николаю I. За офицерами стояли подчиненные им нижние чины. В результате декабристы могли опереться на численно значимую часть гвардии.

Определенный вклад в развитие заговора 14 декабря внесла невоенная часть декабристского общества – гражданские чиновники и отставные офицеры, некоторые из которых служили прежде в гвардии. Роль К.Ф. Рылеева («души» заговора 14 декабря) как одного из главных организаторов выступления трудно переоценить. Среди гражданских лиц выделяется И.И. Пущин – один из тех, кто налаживал связи заговорщиков в разных полках и частях гвардии, где служили его многочисленные друзья и знакомые (Конно-пионерный эскадрон, конная артиллерия, Финляндский полк и т.д.). Заметную роль играл основатель ячейки в Гренадерском полку П.Г. Каховский, связывавший «штаб» заговорщиков с Гвардейским экипажем. Опытный чиновник В.И. Штейнгель, как и подавший в отставку инженер-подполковник Г.С. Батеньков, принимали участие в выработке политической программы восстания и, как и Пущин, были готовы вести переговоры с государственными учреждениями и высшими сановниками. Близкий к Рылееву столоначальник правления Российско-Американской компании и литератор О.М. Сомов, которому удалось оправдаться по результатам следствия, скорее всего, участвовал в совещаниях заговорщиков, обсуждая меры, необходимые для организации выступления. В.К. Кюхельбекер поддерживал связи со своими учениками по Благородному пансиону при Петербургском университете, в числе которых

⁶⁹ ВД. Т. XV. С. 173; Т. XVIII. С. 30; Т. XXI. С. 149–156 (дело А.А. Скалона); Декабристы. Биографический справочник... С. 318–319; см. также воспоминания А.С. Гангеблова (14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 330).

⁷⁰ См. мемуарную записку Е.А. Головина (14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2004. Вып. 6. С. 24), записки А.И. Варженевского (14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев... С. 242), указание из дневника Н.Н. Яновского о том, что от восставших было послано сообщение о начавшемся восстании в Уланский полк (Marasinoва E. The Alexander Brückner Archive and an Unknown Diary of the Period of the Decembrist Uprising // “A Century Mad and Wise”: Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Leuven, Бельгия, 17–24 июля 2014 г. Groningen, 2015. P. 152).

были заговорщики в гвардейском Генеральном штабе; один из его учеников, чиновник Комиссии погашения долгов М.Н. Глебов, был близок к офицерам-штабистам и ячейке в Гренадерском полку; на Сенатской площади он передал нижним чинам деньги для покупки вина (чтобы согреться в декабрьский день)⁷¹. Отставной офицер Н.Н. Оржицкий имел связь с гвардейскими моряками, присутствовал на совещаниях на квартире Рылеева, вечером 14 декабря, после поражения восстания, согласился выполнить поручения лидеров заговорщиков, касающиеся связи с Южным обществом. На Сенатской площади к восставшим присоединился бывший вице-губернатор Кавказской губернии, отставной статский советник О.-Ю.В. Горский, знакомый нескольких заговорщиков, судя по всему, не состоявший в тайном союзе; надев эффектный мундир и вооружившись пистолетом, он поддерживал боевой дух мятежной стороны, обращая на себя всеобщее внимание. Кроме Горского, на Сенатской площади к восставшим присоединились другие гражданские лица, вероятно, привлеченные лозунгом защиты прав на престол цесаревича Константина; некоторые из них впоследствии подверглись репрессиям⁷². Наконец, тайное общество имело виды на включение в свои ряды образованных и критически мыслящих представителей столичного купечества. Один из них, купец А.П. Сапожников, был принят в декабристский союз в дни междоусобицы своим родственником Я.И. Ростовцевым и участвовал в подготовке акции по воздействию на Николая Павловича 12 декабря, став одним из авторов письма к великому князю, с которым Ростовцев явился в Зимний дворец⁷³.

Влияние декабристского общества вышло за пределы Гвардейского корпуса. Члены тайного союза и причастные к нему лица, не служившие в гвардии, могли сыграть определенную роль во время или после переворота, поддержав восставшие части в случае достижения успеха. Прежде всего следует остановиться на офицерах флота. «Морская управа» Северного общества, основанная К.Ф. Рылевым и Н.А. Бестужевым в 1824 г., не имела потенциала для существенной помощи в организации выступления: адъютант начальника Морского штаба капитан-лейтенант К.П. Торсон отказался участвовать в заговоре, считая восстание несвоевременным и не веря в его успех⁷⁴, лейтенант Ф.Ф. Матюшкин находился в кругосветном плавании⁷⁵, лейтенант В.П. Романов – в отпуске; оставались надежды на мичмана П.А. Бестужева и лейтенанта Н.А. Чижова.

Помимо «морской управы», существовали близкие к декабристскому обществу кружки «свободомыслящих» морских офицеров. Первый из них непосредственно примыкал к тайному обществу офицеров Гвардейского экипажа и состоял из офицеров, служивших в экипажах Балтийского флота в Петербурге и Кронштадте (некоторые из них через Н.А. и П.А. Бестужевых были связаны с «морской управой» Северного общества); в состав кружка входили лейтенанты Воейков, П.С. Дурново, А.С. Шушерин, мичманы В.П. Гебауер,

⁷¹ Говоря о гражданских чиновниках, осведомленных о целях заговора, следует упомянуть лиц, состоявших в Северном обществе (А.В. Семенов, В.М. Голицын и, возможно, Петр И. Колошин), служивших в одном учреждении – Департаменте внешней торговли Министерства финансов.

⁷² Речь идет о британских подданных Э. Буле и В. Гайнаме, которые находились в каре на Сенатской площади или рядом с ним, были замечены правительственной стороной, вскоре арестованы, а впоследствии высланы за границу. Были ли эти два иностранца причастны к заговору, какое участие принимали в событиях восстания (возможно, речь шла об их активном поведении в толпе собравшегося народа), в чем состояла их «виновность» – все эти вопросы до сих пор не выяснены; следствие по их делу проводилось отдельно. Первый из них, по некоторым данным, находился под надзором полиции еще до событий 14 декабря, а второй, сын ученого-механика и члена-корреспондента Петербургской академии наук Р. Гайнама, был знаком с А.А. и Н.А. Бестужевыми (см.: *Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций Центрального государственного военно-исторического архива СССР*. М., 1975. Ч. 1. С. 167, 207; *Декабристы. Биографический справочник*... С. 33, 49, 231, 242).

⁷³ См.: *Ильин П.В.* Новые имена в истории движения декабристов... С. 388–408.

⁷⁴ ВД. Т. XIV. С. 198, 213.

⁷⁵ О принадлежности Ф.Ф. Матюшкина к «морской» управе Северного общества см.: *Шешин А.Б.* Друг А.С. Пушкина Ф.Ф. Матюшкин – декабрист // *Временник Пушкинской комиссии*. Л., 1989. Вып. 23. С. 161–166; *Ильин П.В.* К вопросу о принадлежности Ф.Ф. Матюшкина к Северному обществу декабристов // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 2004. Вып. 29. С. 170–184.

А.М. Иванчин-Писарев, В.А. Кротов, Н.И. Морозов, А.В. и К.В. Осетровы⁷⁶. Другой кружок офицеров балтийских экипажей, связанный с Д.И. Завалишиным, также отличался «свободными» разговорами и состоял из более опытных офицеров (лейтенанты М.Д. Анненков, Н.И. Завалишин, И.А. Купреянов, А.М. Трескин, мичман Ф.С. Лутковский)⁷⁷. Состав кружков морских офицеров выяснен на основе следственных материалов далеко не полностью. Морские офицеры не имели возможности влиться в гвардейский заговор и участвовать в выступлении 14 декабря, но могли содействовать усилиям заговорщиков по установлению контроля над Балтийским флотом после переворота – в частности, быть полезными для возможного содержания императорской семьи в Кронштадте и последующей высылки ее за границу⁷⁸. В этой связи обращают на себя внимание показания капитан-лейтенанта К.П. Торсона о разговоре с Рылеевым, состоявшемся летом 1825 г. – последний сообщил тогда автору показаний о следующем замысле: «...при восстании войск в Петербурге» Торсону или Н.А. Бестужеву следовало «ехать в Кронштадт, где при помощи членов возмутить матросов, сменить начальство и принять город и крепости под свою команду»; предполагалось содержание членов царской семьи под арестом в Кронштадте, при необходимости – отправление их за границу на борту судна⁷⁹. В реализации этих планов могли быть, очевидно, задействованы как члены «морской управы» Северного общества, служившие на Балтийском флоте, так и участники кружков морских офицеров.

«Вольнодумные» настроения в это время широко распространились в Петербурге, а кризис междоусобицы усиливал их, способствуя развитию политически острых взглядов; декабристское «ядро» формировало вокруг себя окружение, состоявшее из единомышленников и сочувствующих, к нему тянулись юные «вольнодумцы» из следующего поколения⁸⁰. Очертания этой среды, из которой вербовались заговорщики, проступают в материалах следствия, свидетельствах современников, мемуарных указаниях в виде отдельных персоналий. Лица, причастные к движению сторонников политических перемен, составлявшие их ближайшее окружение, фрагментарно «высвечивались» в ходе правительственного расследования. Так, гвардейские офицеры из богатых и влиятельных семейств А.А. Бобринский и Н.А. Самойлов, будучи друзьями некоторых заговорщиков, вероятно, были осведомлены об их планах, вели с ними разговоры на политические темы, обсуждая возможность выступления в пользу того или иного претендента на престол⁸¹. Обращает на себя внимание фигура «таинственного вольнодумца» польского аристократа Е.О. Понятовского, отставного офицера Кавалергардского полка, близкого к кружку офицеров-моряков Гвардейского экипажа и одновременно кавалергардам – членам петербургского филиала «южан»; по отзывам декабристов, он отличался решительностью, выражал готовность принять участие в открытом выступлении и антисамодержавных актах вплоть до цареубийства⁸². По-видимому, был причастен к тайному обществу отставной кавалергард М.М. Устинов, однополчанин руко-

⁷⁶ См.: *Шешин А.Б.* Морская управа Северного общества... С. 126–128.

⁷⁷ Согласно запискам Д.И. Завалишина, к тайному обществу принадлежали капитан-лейтенант П.А. Дохтуров, занимавший должность адъютанта М.А. Милорадовича, и генерал-интендант флота В.М. Головин, который якобы намеревался принять участие в перевороте и был готов «на самые решительные меры», вплоть до цареубийства; но к этим указаниям следует подходить критически (*Завалишин Д.И.* Воспоминания. М., 2003. С. 61, 264, 313).

⁷⁸ *Шешин А.Б.* Морская управа Северного общества... С. 126–128; *Шешин А.Б.* Выполнял ли К.Ф. Рылеев поручения А.Н. Голицына и намеревался ли он вывезти императорскую фамилию в Форт-Росс в Калифорнию? // *Декабристы. Актуальные направления исследований.* СПб., 2014. С. 455–457.

⁷⁹ ВД. Т. XIV. С. 203, 206, 212–213.

⁸⁰ Из числа юных «вольнодумцев» упомянем младшего из братьев Бестужевых Павла, знавшего о существовании тайного общества и не раз посещавшего Рылеева, а также извещенного о заговоре и обещавшего быть на Сенатской площади К.О. Куликовского (оба юноши учились в Главном артиллерийском училище) и воспитанника пансиона при Царскосельском лицее М.А. Искрицкого (ВД. Т. XIV. С. 300; Т. XVIII. С. 138–139; Т. XVI. С. 183, 185; *Декабристы. Биографический справочник...* С. 94, 272).

⁸¹ ВД. Т. II. С. 12, 15, 52. Самойлов на основании полученных показаний был включен в «Алфавит...» Боровкова (*Декабристы. Биографический справочник...* С. 315), а Бобринский избежал этого.

⁸² ВД. Т. II. С. 38–42. Сведения о Понятовском хотя и оказались отраженными в следственных показаниях, но не заинтересовали следователей и не были включены в «Алфавит...» Боровкова.

водителей петербургского филиала Южного общества, которого допрашивали вследствие близкой дружбы с П.Н. Свистуновым, переписки с ним и хранения его бумаг⁸³. К этому следует добавить, что, несомненно, были случаи, когда попытки вербовки в тайное общество, а позднее в военный заговор, заканчивались неудачей. При этом отказавшиеся от участия в заговоре получали вполне ясное представление о целях и планах декабристской конспирации, но доносов или иных осведомлений власти практически не последовало. Например, брат члена Южного общества Е.Е. Лачинова, Н.Е. Лачинов, состоявший в день 14 декабря при Николае I и выполнявший его поручения (за что был награжден «высочайшей признательностью»), не принадлежал к тайным обществам, но, согласно его собственным рассказам, участники этих обществ, товарищи Лачинова по обучению в Московском университете и многолетние друзья, «старались впутать его» в конспиративные связи, неоднократно делая предложения о поступлении в их ряды⁸⁴. Дошедшие до нас источники раскрывают лишь отдельные персоналии из среды столичных «вольномудцев», входившие в декабристское окружение и, как можно полагать, имевшие представления о замыслах, обсуждавшихся в этой среде в дни междоусобицы; вполне возможно, что в такого рода случаях перед нами предстает одно из звеньев неизвестных нам конспиративных связей⁸⁵.

Общее количество достоверно установленных и предполагаемых участников заговора – как давних членов тайных обществ, так и вновь принятых в декабристский союз, а также примкнувших к ним в последние дни перед восстанием офицеров и чиновников, некоторые из которых не знали о политических целях декабристского «ядра», согласно очевидно неполным данным, превышает 150 человек. Из них большая часть служила в тех полках, на которые рассчитывали руководители заговора.

В целом персональный состав декабристского заговора, известный благодаря комплексу следственных показаний и других материалов, полученных на процессе 1825–1826 гг., а также сведениям, собранным в ходе работы полковых следственных комиссий, не является исчерпывающим⁸⁶. Исследователи в настоящее время далеко не всё знают о конспиративных связях, соединявших офицеров различных полков, офицерах и нижних чинах, причастных к заговору, среди которых велась агитация, ближайшем окружении декабристов, посвященном в планы выступления. По-прежнему остается нераскрытым и непроясненным то, что относится к «декабристской периферии», второму и третьему «ряду» лиц, вовлеченных в декабристский заговор в дни междоусобицы. Показания и записи допросов, полученные в ходе официального расследования, не охватывают все факты и обстоятельства заговорческой активности – в ходе допросов и в письменных показаниях многое скрывалось от внимания следствия. В этом вопросе ощущается дефицит документальных свидетельств – отсутствие источников, способных пролить свет на тайные связи в среде петербургских «вольномудцев», противоречивость и затушеванность сведений, отраженных в документах, высвечивающих такого рода связи, фрагментарность общей картины. Можно уверенно

⁸³ ВД. Т. XIV. С. 343, 345–347. М.М. Устинов, как и его брат А.М. Устинов, близкий к членам московской организации Северного общества и, возможно, причастный к ее деятельности, не были внесены в «Алфавит...» Боровкова.

⁸⁴ См.: Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1903. Т. 3. С. 319–322. Подобные известия о близости к заговорщикам и приглашения посетить их собрания сохранились в семье капитана и ротного командира Саперного батальона П.А. Витовтова (Русский архив. 1907. Кн. 2. № 7. С. 351–352).

⁸⁵ Выше приводились сведения из полицейской характеристики офицеров Измайловского полка (1827), раскрывающие круг предположительно причастных к заговору лиц, избежавших следствия. В другом документе, под заглавием «Список 93-х лиц, обративших на себя внимание полиции в 1827 г.», имеются данные о «вольномудцах», которые спустя два года после событий 14 декабря вызвали подозрение своими «либеральными» разговорами. В их числе оказались привлеченные к следствию по делу 14 декабря, но прощенные или оправданные офицеры и чиновники – П.Н. Креницын, бывший член тайных обществ П.И. Колошин, не привлекавшийся к следствию А.А. Оленин (охарактеризованный в документе как «копия Никиты Муравьева») и его старший брат П.А. Оленин (сыновья государственного секретаря А.Н. Оленина) (Русская старина. 1885. Т. 48, № 3. С. 397–400).

⁸⁶ Состав декабристских тайных обществ, участников заговора и выступления 14 декабря реконструирован на документальной основе – см.: Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 590–643.

полагать, что существенная часть конспиративной «сети», созданной декабристским обществом в ноябре-декабре 1825 г., осталась скрытой и в свидетельствах мемуарного характера, в том числе по соображениям этического характера – спустя многие годы оглашение причастности к антиправительственному заговору и тайным обществам лиц, многие из которых сделали благополучную карьеру, продолжало оставаться дискредитирующим актом.

Разумеется, нельзя оставить без внимания слабые стороны заговора, которые в значительной мере определили несомненный и вполне очевидный (в том числе для самих организаторов) риск планируемого восстания. Декабристам не удалось подготовить достаточно сил для перехода на их сторону старейших и наиболее авторитетных гвардейских полков – Преображенского и Семеновского. Участие в восстании этих полков обеспечило бы мятежной стороне преимущество и присоединение других гвардейских частей. За исключением конно-пионеров и конной артиллерии, в распоряжении заговорщиков практически не оказалось кавалерии и артиллерии, что затрудняло достижение решающего успеха и ставило восставших перед уничтожающим противодействием противника. Наконец, бросается в глаза почти полное отсутствие в рядах заговорщиков офицеров в высоких чинах (от штабс-капитана и выше): в основном среди них находились обер-офицеры (прапорщики, подпоручики, поручики). Количество ротных командиров, задействованных в заговоре, было сравнительно небольшим – дело ограничивалось младшими офицерами, зачастую не имевшими под своей командой солдат, среди которых было небольшое число ротных командиров; в рядах заговорщиков находились считанные штаб-офицеры (в том числе только два батальонных командира)⁸⁷. Чтобы изменить эту ситуацию, организаторы выступления привлекли офицеров хотя и не состоявших в гвардии, но имевших чин штаб-офицера (Н.А. Бестужев, А.М. Булатов, А.И. Якубович). Записки М.И. Пущина, присоединившегося к тайному обществу в период междуцарствия, передают обоснованные сомнения, которые, несомненно, испытывали многие участники заговора. Мемуарист сообщает о высказанных им на совещании у Рыльева 13 декабря опасениях, скептическом отношении к готовящемуся восстанию вследствие того, что организаторы не привлекли на свою сторону офицеров в высоких чинах: «...нельзя полагаться на прапорщиков... чтобы они, помимо своих начальников, повели полки... это несбыточно; если старшие офицеры исполнят свою обязанность [выполняют приказания начальства], то я посмотрел бы, как младший офицер... сделал бы это». Сомневаясь в успехе, Пущин выразил мнение: «...другое дело, если бы... Милорадович и[ли] другое известное войску лицо» возглавили выступление⁸⁸.

Несмотря на слабые стороны заговора, его участники надеялись на благоприятный исход, поскольку полагали, что решительных действий нескольких полков будет достаточно для достижения главных целей – обеспечения контроля над зданием Сената и захвата Зимнего дворца. Наибольший ресурс составляли привлеченные в заговор батальонные и ротные командиры, которые имелись в Гвардейском экипаже (почти весь состав ротных командиров (7 из 8) был причастен к заговору), Московском (6 ротных командиров из 8 находящихся в двух батальонах), Финляндском (2 батальонных командира, 1 ротный командир), Гренадерском и Измайловском полках (1 ротный командир в каждом из них, предположительно – более 1). На них возлагались главные надежды, связанные с переходом гвардейских частей на сторону восстания.

В целом, если бы лидерам заговора удалось задействовать в максимальной степени все известные нам и предполагаемые негласные связи и каждый заговорщик принял участие в реализации плана выступления, то на декабристской стороне оказалась бы преобладающая часть находившейся в пределах Петербурга гвардии (шесть из десяти пехотных частей, подразделения двух из трех артиллерийских частей, одной из двух военно-инженерных

⁸⁷ Полковники Финляндского полка А.Ф. Моллер и А.Н. Тулубьев, штабс-капитан этого же полка Н.П. Репин, капитан Измайловского полка И.И. Богданович, капитан Московского полка А.А. Корнилов, штабс-капитаны этого же полка М.А. Бестужев, В.Ф. Волков и Д.А. Щепин-Ростовский, капитан Конно-пионерного эскадрона М.И. Пущин, возможно – полковник Московского полка А.Д. Неелов.

⁸⁸ Пущин М.И. Записки... С. 435.

частей, двух полков тяжелой кавалерии⁸⁹), что могло вполне обеспечить успех заговора, а также переход на его сторону других гвардейских частей.

Какие итоги можно подвести? Несмотря на особый интерес к военному заговору и событиям 14 декабря 1825 г., проявленный официальным расследованием, в особенности – к выявлению причастных к заговору лиц, установлению их участия в тайном «злоумышленном» обществе, многие конспиративные связи не были обнаружены в полной мере, а часть обстоятельств и персоналий, как можно уверенно полагать, вовсе укрылась от внимания правительства. Не все конспиративные контакты, не вся деятельность заговорщиков и участников тайных обществ нашли отражение в документах следствия. Недостающие звенья предстают в виде фрагментарно высвеченных в документах следствия, а также в современных и позднейших материалах, эпизодов с упоминанием отдельных персоналий. Неустановленные следствием обстоятельства, факты и персоналии отражаются в документальной базе в виде отрывочных данных. Поскольку исследователи смотрят на события 1825 г. через призму результатов официального следствия, для исследовательской традиции факты и персоналии такого рода также остаются за пределами внимания – в виде «белых пятен», а скрытые от следствия эпизоды оказываются непроясненными и «непривязанными» к деятельности декабристов. Следует сказать еще об одном обстоятельстве: в большинстве случаев разработку тех или иных слабо освещенных сюжетов ограничивает дефицит источниковых данных. Остается надеяться, что в будущем появятся новые документальные свидетельства, которые позволят расширить круг изучаемых реалий.

По итогам рассмотрения следует заключить, что недостаточно изученными остаются такие эпизоды, связанные с заговором декабристов, как попытка агитации против присяги Николаю I в казармах 1-го батальона Преображенского полка, предпринятая А.В. Чевкиным, агитация офицеров загородного батальона Измайловского полка, связанная с именем А.А. Скалона, сопротивление присяге в казармах конной артиллерии, где действовало большее число заговорщиков, нежели было выяснено следствием, а также предполагаемый акт сопротивления присяге в казармах пешей артиллерии. Требуют дальнейшего изучения, ввиду несомненной неполноты, существующие представления о ячейках декабристского заговора в Московском, Гренадерском, Измайловском, Финляндском полках и Конно-пионерном эскадроне; далеко не полностью установлен состав заговорщиков в Кавалергардском полку. В случае Егерского полка до сих пор не выяснен вопрос о причине расчетов на него руководителей декабристского заговора. Недостаточно изучен вопрос о кружках флотских офицеров, связанных с Северным обществом, сопряженных с планами ареста царской семьи и высылки ее за границу. Все сказанное позволяет сделать вывод о неполной изученности обстоятельств петербургского заговора декабристов, особенно в персональном аспекте. Нельзя не заключить, что сохраняются «белые пятна» и неразработанные вопросы фактографии и персоналистики, связанной с заговором декабристов и восстанием 14 декабря 1825 г.

Литература

Афанасьев С.И. О времени образования декабристского общества в Гвардейском морском экипаже (уточнение датировки события) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.: Нестор-История, 2005. Вып. 7. С. 211–214.

Белоусов М.С. Диктатор 14 декабря 1825 г. // Декабристы: Актуальные направления исследований. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 155–172.

Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии пресс, 2003. 656 с.

Восстание декабристов. Документы. М., 1925–2025. Т. I–XXV.

Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года (военно-историческая справка) // Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 153–206.

⁸⁹ См.: Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 года... С. 164–166.

Головин Е.А. Записка / публ. Т.В. Андреевой, П.В. Ильина // 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. СПб.: Нестор-История, 2004. Вып. 6. С. 21–24.

Гордин Я.А. События и люди 14 декабря: хроника. М.: Советская Россия, 1985. 285 с.

Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л.: Лениздат, 1989. 398 с.

Декабристы. Биографический справочник / изд. подгот. С.В. Мироненко. М.: Наука, 1988. 448 с.

Дружинин Н.М. Семейство Чернышевых и декабристское движение // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 330–356.

Завалишин Д.И. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 608 с.

Зальца В.И. Записка / публ. Т.В. Андреевой, П.В. Ильина // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2001. Вып. 4. С. 169–171.

Игнатъев А.А. На фронте. Пятьдесят лет в строю. М.: Вече, 2013. 448 с.

Игнатъев П.Н. Записка / публ. Т.В. Андреевой, П.В. Ильина // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2001. Вып. 4. С. 102–108.

Ильин П.В. И.И. Богданович – одна из трагических фигур 14 декабря 1825 г. // Памяти Ю.Д. Марголиса: письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб.: Серебряный век; Контрфорс, 2000. С. 630–654.

Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 664 с.

Ильин П.В. К вопросу о принадлежности Ф.Ф. Матюшкина к Северному обществу декабристов // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2004. Вып. 29. С. 170–184.

Ильин П.В. Новые имена в истории движения декабристов: купец-заговорщик А.П. Сапожников // Научный диалог. 2024. Т. 13. Вып. 6. С. 388–408.

Ильин П.В. Декабристы, оправданные на следственном процессе: случай И.Ф. Львова // Клио. 2024. № 8 (212). С. 106–114.

Ильин П.В. Декабристы, оправданные на следственном процессе: офицеры-конногвардейцы М.Ф. Голицын, А.К. Ливен, А.А. Плещеев // Клио. 2024. № 9 (213). С. 91–99.

Коржов С.Н. Северный филиал Южного общества декабристов // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев: Нестор, 2000. Вып. 3. С. 99–115.

Лавров Н.Ф. Диктатор 14 декабря // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 129–222.

Левин С.В. В.С. Норов – «декабрист без декабря» // Известия Саратовского университета. Сер.: История, международные отношения. 2008. Т. 8, № 1. С. 47–52.

Московские толки и слухи в донесениях секретного агента отставного майора И.И. Евневича / публ. В.М. Боковой // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2003. Вып. 12. С. 86–92.

Нечкина М.В. Восстание 14 декабря 1825 года. М.: АН СССР, 1951. 204 с.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: АН СССР, 1955. Т. 1. 484 с.

Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. М.: Мысль, 1985. 256 с.

Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 226 с.

Принцева Г.А. Декабристы в изобразительном искусстве. Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1990. 230 с.

Розен А.Е. Записки декабриста / изд. подгот. Г.А. Невелевым. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1984. 480 с.

Свистунов П.Н. Сочинения и письма / изд. подгот. В.А. Федоровым. Сер.: Полярная звезда. Т. 1. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2002. 415 с.

Семенова А.В. Кавалергарды – члены тайного общества в день 14 декабря 1825 года // История СССР. 1979. № 1. С. 192–199.

Смирнов И.А. Декабрист В.С. Норов // Декабристы Дмитровского уезда: сб. ст. Дмитров: Музей Дмитровского края, 1925. С. 50–82.

14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев / сост. П.В. Ильин, А.А. Кононов. СПб.: Академический проект, 1999. 752 с.

Шешин А.Б. Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 107–127.

Шешин А.Б. «Морская управа» Северного общества // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 115–128.

Шешин А.Б. Друг А.С. Пушкина Ф.Ф. Матюшкин – декабрист // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 161–166.

Шешин А.Б. К анализу событий 14 декабря 1825 года: дополнения, исправления, новые версии // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 292–347.

Шешин А.Б. Выполнял ли К.Ф. Рылеев поручения А.Н. Голицына и намеревался ли он вывезти императорскую фамилию в Форт-Росс в Калифорнию? // Декабристы. Актуальные направления исследований. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 410–466.

Эйдельман Н.Я. Новый взгляд на события 14 декабря 1825 г. // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 146–148.

Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы / изд. подгот. В.И. Порохом, И.В. Порохом. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. 400 с.

Marasinoва E. The Alexander Brückner Archive and an Unknown Diary of the Period of the Decembrist Uprising // «A Century Mad and Wise»: Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Leuven, Бельгия, 17–24 июля 2014 г. Groningen, 2015. P. 145–169.

References

Afanas'ev, S.I. (2005). O vremeni obrazovaniya dekabristskogo obshchestva v Gvardeyskom morskoy ekipazhe (utochnenie datirovki sobytiya) [On the Time of the Formation of the Decembrist Society in the Guards Naval Crew (Clarification of the Date of the Event)]. In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. Iss. 7. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 211–214.

Andreeva, T.V., Il'in, P.V. (Publ.). (2001). Ignat'ev, P.N. Zapiska [Memoir]. In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. Iss. 4. St. Petersburg, Kishinev, Nestor-Istoriya, pp. 102–108.

Andreeva, T.V., Il'in, P.V. (Publ.). (2004). Golovin, E.A. Zapiska [Memoir]. In *14 dekabrya 1825 goda: istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. Iss. 6. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 21–24.

Andreeva, T.V., Il'in, P.V. (Publ.). (2001). Zal'tsa, V.I. Zapiska [Memoir]. In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. Iss. 4. St. Petersburg, Kishinev, Nestor-Istoriya, pp. 169–171.

Belousov, M.S. (2014). Diktator 14 dekabrya 1825 g. [Dictator on December 14, 1825]. In *Dekabristy: Aktual'nye napravleniya issledovaniy*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 155–172.

Bokova, V.M. (2003). *Epokha taynykh obshchestv. Russkie obshchestvennye ob'edineniya pervoy treti XIX v.* [The Age of Secret Societies. Russian Public Associations of the First Third of the 19th Century]. Moscow, Realii press. 656 p.

Bokova, V.M. (Publ.). (2003). Moskovskie tolki i slukhi v doneseniyyakh sekretnogo agenta otstavnogo mayora I.I. Evnevicha [Moscow Gossip and Rumors in the Reports of Secret Agent, Retired Major I.I. Evnevich]. In *Rossiyskiy arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XIX vv.* Moscow, Studiya TRITE, Rossiyskiy Arkhiv. Iss. 12, pp. 86–92.

Druzhinin, N.M. (1985). Semeystvo Chernyshevyykh i dekabristskoe dvizhenie [The Chernyshev Family and the Decembrist Movement]. In *Druzhinin N.M. Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v.* Moscow, Nauka, pp. 330–356.

Eydelman, N.Ya. (1988). Novyy vzglyad na sobyitiya 14 dekabrya 1825 g. [A New Look at the Events of December 14, 1825]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 146–148.

Fedorov, V.A. (Publ.). (2002). *Svistunov P.N. Sochineniya i pis'ma* [Writings and Letters]. Vol. 1. Seriya Polyarnaya Zvezda. Irkutsk, Memorialnyy muzey dekabristov. 415 p.

Gabaev, G.S. (1926). Gvardiya v dekabr'skie dni 1825 goda (voenno-istoricheskaya spravka) [The Guard in the December Days of 1825 (Military Historical Background)]. In *Presnyakov A.E. 14 dekabrya 1825 goda*. Moscow, Leningrad, Gos. izdatelstvo, pp. 153–206.

Gordin, Ya.A. (1985). *Sobyitiya i lyudi 14 dekabrya* [Events and People on December 14]. Moscow, Sovetskaya Rosiya. 285 p.

Gordin, Ya.A. (1989). *Myatezh reformatorov. 14 dekabrya 1825 goda* [The Reformers' Revolt, December 14, 1825]. Leningrad, Lenizdat. 398 p.

Ignat'ev, A.A. (2013). *Na fronte. Pyat'desyat let v stroyu* [At the Front. Fifty Years in Service]. Moscow, Veche. 448 p.

Il'in, P.V. (2000). I.I. Bogdanovich – odna iz tragicheskikh figur 14 dekabrya 1825 g. [I.I. Bogdanovich – One of the Tragic Figures of December 14, 1825]. In *Pamyati Yu.D. Margolisa: pis'ma, dokumenty, nauchnye raboty, vospominaniya*. St. Petersburg, Serebryanny vek, Kontrfors, pp. 630–654.

Il'in, P.V. (2004). K voprosu o prinadlezhnosti F.F. Matyushkina k Severnomu obshchestvu dekabristov [On the Question of F.F. Matyushkin's Membership in the Northern Society of Decembrists]. In *Vremennik Pushkinskoy komissii*. Iss. 29. St. Petersburg, pp. 170–184.

Il'in, P.V. (2004). *Novoe o dekabristakh. Proshchennyye, opravdannyye i ne obnaruzhennyye sledstviem uchastniki tainnykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg.* [New Information about the Decembrists. Members of Secret Societies and Military Actions of 1825–1826 Who were Pardoned, Acquitted and Undetected by the Investigation.]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 664 p.

Il'in, P.V. (2024). Dekabristy, opravdannyye na sledstvennom protsesse: ofitsery-konno-gvardeytsy M.F. Golitsyn, A.K. Liven, A.A. Pleshcheev [Decembrists Acquitted in the Investigation Process: Horse Guards Officers M.F. Golitsyn, A.K. Liven, A.A. Pleshcheev]. In *Klio*. No. 9 (213), pp. 91–99.

(1925–2025). *Vosstanie dekabristov. Dokumenty* [The Decembrist Uprising. Documents]. Moscow. Vol. I–XXV.

Il'in, P.V. (2024). Dekabristy, opravdannyye na sledstvennom protsesse: sluchay I.F. L'vova [Decembrists Acquitted in the Investigation Process: The Case of I.F. Lvov]. In *Klio*. No. 8 (212), pp. 106–114.

Il'in, P.V. (2024). Novye imena v istorii dvizheniya dekabristov: kupets-zagovorshchik A.P. Sapozhnikov [New Names in the History of the Decembrist Movement: The Merchant Conspirator A.P. Sapozhnikov]. In *Nauchnyy dialog*. Vol. 13, Iss. 6, pp. 388–408.

Il'in, P.V., Kononov, A.A. (Publ.). (1999). *14 dekabrya 1825 goda: vospominaniya ochevidtsev* [December 14, 1825: Eyewitness Memoirs]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt. 752 p.

Korzhov, S.N. (2000). Severnyy filial Yuzhnogo obshchestva dekabristov [The Northern Branch of the Southern Society of Decembrists]. In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. St. Petersburg, Kishinev, Nestor, Iss. 3, pp. 99–115.

Lavrov, N.F. (1926). Diktator 14 dekabrya [The Dictator on December 14th]. In *Bunt dekabristov*. Leningrad, pp. 129–222.

Levin, S.V. (2008). V.S. Norov – “dekabrist bez dekabrya” [V.S. Norov – “a Decembrist without December”]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya, mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 8, No. 1, pp. 47–52.

Marasinova, E. (2015). The Alexander Brückner Archive and an Unknown Diary of the Period of the Decembrist Uprising. In “A Century Mad and Wise”: Russia in the Age

of the Enlightenment: Papers from the IX International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Leuven, 17–24 iyulya 2014 g. Groningen, pp. 145–169.

Mironenko, S.V. (Publ.). (1988). *Dekabristy. Biograficheskiy spravochnik* [The Decembrists: A Biographical Handbook]. Moscow, Nauka. 448 p.

Nechkina, M.V. (1951). *Vosstanie 14 dekabrya 1825 goda* [Uprising December 14, 1825]. Moscow, AN SSSR. 204 p.

Nechkina, M.V. (1955). *Dvizhenie dekabristov: v 2 t.* [Decembrists Movement: In 2 Vol.]. Vol. 1. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 483 p.

Nechkina, M.V. (1985). *Den' 14 dekabrya 1825 goda* [December 14, 1825]. Moscow, Mysl'. 256 p.

Nevelev, G.A. (Publ.). (1984). *Rozen A.E. Zapiski dekabrista* [Memoirs of a Decembrist]. Seriya: Polyarnaya zvezda. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 480 p.

Porokh, V.I., Porokh, I.V. (Publ.). Yakushkin, I.D. (1993). *Memuary, stat'i, dokumenty* [Memoirs, articles, documents]. Seriya: Polyarnaya zvezda. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 400 p.

Presnyakov, A.E. (1926). *14 dekabrya 1825 goda* [December 14, 1825]. Moscow, Leningrad, Gos. izdatelstvo. 226 p.

Printseva, G.A. (1990). *Dekabristy v izobrazitel'nom iskusstve. Sobranie Gosudarstvennogo Ehrmitazha* [The Decembrists in Fine Art. Collection of the State Hermitage Museum]. Moscow, Iskusstvo. 230 p.

Semenova, A.V. (1979). Kavalergardy – chleny taynogo obshchestva v den' 14 dekabrya 1825 goda [Cavalry Guards – Members of a Secret Society on December 14, 1825]. In *Istoriya SSSR*. No. 1, pp. 192–199.

Sheshin, A.B. (1975). Dekabristskoe obshchestvo v Gvardeyskom morskoy ekipazhe [The Decembrist Society in the Guards Naval Crew]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 96, pp. 107–127.

Sheshin, A.B. (1979). “Morskaya uprava” Severnogo obshchestva [“Naval Branch” of the Northern Society]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 115–128.

Sheshin, A.B. (1989). Drug A.S. Pushkina F.F. Matyushkin – Dekabrist [A.S. Pushkin's Friend, F.F. Matyushkin – the Decembrist]. In *Vremennik Pushkinskoy komissii*. Iss. 23, pp. 161–166.

Sheshin, A.B. (2008). K analizu sobytiy 14 dekabrya 1825 goda: dopolneniya, ispravleniya, novye versii [To Analyze the Events of December 14, 1825: Additions, Corrections, New Versions]. In *Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podkhody*. Moscow, RGGU, pp. 292–347.

Sheshin, A.B. (2014). Vypolnyal li K.F. Ryleev porucheniya A.N. Golitsyna i namerevalsya li on vyvezti imperatorskuyu familiyu v Fort-Ross v Kaliforniyu? [Did K.F. Ryleev Carry Out A.N. Golitsyn's Orders and did He Intend to Take the Imperial Family to Fort Ross in California?]. In *Dekabristy. Aktual'nye napravleniya issledovaniy*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 410–466.

Smirnov, I.A. (1925). Dekabrist V.S. Norov [Decembrist V.S. Norov]. In *Dekabristy Dmitrovskogo uezda. Sbornik statey*. Dmitrov, Muzei Dmitrovskogo kraya, pp. 50–82.

Zavalishin, D.I. (2003). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Zakharov. 608 p.